

дежь, а второе выставляло его идеаломъ, заслуживающимъ полного подражанія. Истина, какъ это часто бываетъ, лежала посрединѣ, и ужъ во всякомъ случаѣ Базаровъ не былъ ни пародіей, ни идеаломъ; это былъ переходный типъ отъ шестидесятниковъ времени Чернышевскаго и Добролюбова къ нигилистамъ. Впослѣдствіи, въ статьѣ „Реалисты“, Писаревъ совершенно иначе понялъ Базарова; теперь же, въ 1862 г., онъ поставилъ его на пьедесталъ и этимъ вполне отдалъ дань своимъ ультра-индивидуалистическимъ воззрѣніямъ. Базаровъ для него—послѣднее слово, сказанное русской интеллигенціей; раньше были люди, не выдержавшіе мѣщанства, но не знавшіе, куда приложить свои силы, Печорины съ волей, но безъ знанія: „здѣсь отдѣльная личность отрывается отъ стада, но не умѣетъ распорядиться собою“; затѣмъ пришли Рудины, со знаніемъ, но безъ воли: „здѣсь личность сознаетъ свою отдѣльность, составляетъ себѣ понятіе самостоятельной жизни и, не осмѣливаясь двинуться съ мѣста, раздваиваетъ свое существованіе, отдѣляетъ міръ мысли отъ міра жизни“ (напомнимъ читателямъ, что мы выше говорили о раздвоенности лишнихъ людей; см. т. I, гл. V). Наконецъ въ шестидесятыхъ годахъ появились Базаровы, со знаніемъ и съ волей, съ тождественностью мысли и дѣла: „здѣсь личность достигаетъ полного самоосвобожденія, полной личности и самостоятельности“ (II, 394—5). Такимъ образомъ Базаровъ является представителемъ наиболѣе полного индивидуализма, въ томъ смыслѣ, въ какомъ тогда принималъ это слово Писаревъ; Базаровъ его идеаль по той простой причинѣ, что въ немъ онъ увидѣлъ (правильно или нѣтъ—вопросъ другой) воплощеніе всѣхъ своихъ уже знакомыхъ намъ теорій, выражающихся девизами „долой идеалы, долой теоріи, долой цѣль! жизнь есть процессъ, и только процессъ!..“ Въ Базаровѣ онъ увидѣлъ воплощеніе всѣхъ своихъ взглядовъ на личность, на эгоизмъ, на принципы утилитаризма; онъ не согласился только съ его эстетическими взглядами, какъ мы это отмѣтимъ впослѣдствіи, но все остальное принялъ безъ оговорокъ. Личное наслажденіе—единственный побудительный мотивъ Базарова и ему подобныхъ: „ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ имъ убивать и грабить, и ничто, кромѣ личнаго вкуса, не побуждаетъ людей подобнаго закала дѣлать открытія въ области наукъ“... (II, 382). Этотъ личный вкусъ умѣряется только рѣзчетомъ, и внѣ этого у Базарова нѣтъ ни идеала, ни цѣли, ни теоріи: „имъ управляютъ только личная прихоть или личные расчеты. Ни надъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго за-

кона, никакого принципа. Впереди—никакой высокой цѣли; въ умѣ—никакого высокаго помысла, и при всемъ томъ — силы огромныя“ (II, 384). Такова во весь ростъ фигура ультра-индивидуалиста, которой восхищается Писаревъ; восхищается же потому, что въ типѣ Базарова, по его мнѣнію, воплотились тѣ черты, которыя онъ считалъ наиболѣе цѣнными въ своемъ поколѣніи. Идеализируя Базарова, Писаревъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ ультра-индивидуализма, но не пошелъ дальше. Онъ отрицалъ принципы—но не могъ впасть въ безпринципность, отрицалъ теоретичность — и не могъ обойтись безъ теоріи; сидя въ одиночномъ заключеніи, онъ полюбилъ людей, и съ 1863 года начинается постепенное сглаживаніе всѣхъ шероховатостей юношескихъ воззрѣній, начинается выработка новаго міросозерцанія, принимающаго и личность и общество какъ два взаимно-дополнительныхъ фактора.

Въ статьѣ „Зарожденіе культуры“ — первой, написанной въ казематѣ Петропавловской крѣпости въ 1863 г., уже замѣтны признаки совершающейся эволюціи; какъ будто дѣйствительно для Писарева необходимо было одиночное заключеніе, чтобы убѣдить его въ полной несостоятельности всѣхъ ультра-индивидуалистическихъ теорій. Въ своемъ одиночномъ заключеніи Писаревъ имѣлъ время перечестъ сотни томовъ и глубже вдуматься въ взаимоотношеніе личности и общества; первая его статья была изложеніемъ политико-экономическихъ взглядовъ Кэри, одного изъ первыхъ критиковъ официальной, „профессорской“ политической экономіи, особенно сильно возстававшего противъ абстракціи чистаго эгоизма, какъ единственнаго фактора экономическихъ (а значить и соціальныхъ) отношеній. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какія именно книги оказали на Писарева наибольшее вліяніе въ первые годы его тюремнаго заключенія, но можно съ большою вѣроятностью заключить, что это были произведенія соціально-исторической мысли: по крайней мѣрѣ самыя крупныя его статьи 1862—1866 гг. излагаютъ общественно-историческіе вопросы европейской жизни. Онъ обращаетъ вниманіе на борьбу за свободу печати („Очерки изъ исторіи печати во Франціи“, 1862 г.), излагаетъ экономическія воззрѣнія Кэри („Зарожденіе культуры“, 1863), популяризируетъ исторію великой революціи („Историческіе эскизы“, 1864 г.), слѣдитъ за побѣдой начала человѣка и личности надъ темными силами средневѣковья („Историческое развитіе европейской мысли“ 1864, „Переломъ въ умственной жизни средневѣковой Европы“, 1865 г.), наконецъ даетъ общій стройный сводъ всѣмъ своимъ историческимъ и соціологиче-

скимъ взглядамъ, излагая доктрину Конта („Историческія идеи Огюста Конта“, 1865). Все это — громадныя по размѣру статьи, дающія въ общей суммѣ до 40 печатныхъ листовъ; онѣ показываютъ, насколько внимательно относился Писаревъ къ общественно-историческимъ вопросамъ; но надо прибавить, что все-таки онъ не успѣлъ еще выработать себѣ яснаго и твердаго взгляда на детерминизмъ явленій, на роль личности въ исторіи. Казалось бы, что Писаревъ, подобно большинству шестидесятниковъ бывшій въ то время поклонникомъ Бокля, долженъ былъ твердо стоять на строго детерминистической точкѣ зрѣнія. И дѣйствительно, сначала Писаревъ заявляетъ себя строгимъ детерминистомъ и ожесточеннымъ врагомъ теоріи „героевъ“, какъ вершителей судебъ народовъ и кормчихъ историческаго процесса; въ этомъ заключается основное положеніе его знаменитой статьи „Бѣдная русская мысль“ (1862 г.). „Дѣятельность великихъ людей—заявляетъ Писаревъ — была ограничена тѣмъ кругомъ идей, который былъ въ ихъ время достояніемъ общаго сознанія“... „Эти большіе люди, эти такъ называемые дѣятели — просто образчики извѣстной эпохи, просто безотвѣтныя игрушки событій“... Никакой Петръ Великій не въ силахъ измѣнить теченіе и направленіе историческаго процесса: „жизнь тѣхъ семидесяти милліоновъ, которые называются общимъ именемъ русскаго народа, вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленияхъ, если бы, напримѣръ, Шакловитому удалось убить молодого Петра“... Не великій человѣкъ создаетъ свою среду, а среда создаетъ своего великаго человѣка; каждая его мысль уже создана въ окружающей его средѣ. „Развѣ мысль является когда-нибудь случайно? Развѣ же она сваливается съ неба? Вы безъ надобности не повернете головы, не шевельнете пальцемъ; каждое движеніе ваше непременно вызывается или внутреннею потребностью, или внѣшнимъ впечатлѣніемъ“... Все это мы уже слышали отъ Добролюбова, все это является только варьяціями (иногда почти дословными) на темы изъ Бокля; но во всякомъ случаѣ, казалось бы, Писаревъ уже твердо стоитъ на детерминистической точкѣ зрѣнія. Но оказалось, что на этой точкѣ зрѣнія Писаревъ стоялъ весьма не твердо и въ продолженіе послѣдующихъ шести лѣтъ не разъ мѣнялъ свои воззрѣнія на роль личности въ исторіи. То онъ попрежнему излагаетъ теорію послѣдовательнаго детерминизма и находитъ, что объектъ исторіи — жизнь массы, а личность играетъ побочную роль (III, 111 — 115; 1864 г.) такъ что прогрессъ совершается „не по произволу отдѣльныхъ личностей, а по общимъ и неизмѣннымъ законамъ природы“ (V, 500;

1865 г.); то онъ впадаетъ въ противоположную крайность, утверждая, что борьба императоровъ съ папами была порождена не общими условіями, а личностью Гильдебранда, причемъ личность эта была не только поводомъ, но и самой причиной борьбы: если бы въ XI вѣкѣ на свѣтѣ не было „геніальнаго фанатика“ и „великаго государственнаго человѣка“ Гильдебранда, то „вся исторія европейской цивилизаціи могла вылиться въ другую, неизвѣстную намъ форму“ (VI, 98—99; 1867 г.). Правда, Писаревъ оговаривается, что отсюда не слѣдуетъ, будто реформацію сдѣлалъ Лютеръ, а французскую революцію — Мирабо: личность Гильдебранда вполне исключительна по той роли, которую она играла въ событіяхъ; пусть такъ, но исключеніе подтверждаетъ правило только въ грамматикахъ, такъ что своимъ утвержденіемъ Писаревъ низводилъ исторію на степень свода фактовъ, придавалъ личности громадное значеніе въ исторіи и держался, хотя бы отчасти, теоріи „героевъ“. Однако не прошло и года, какъ Писаревъ снова вернулся къ своимъ прежнимъ взглядамъ на роль личности, утверждая, что никакая геніальная личность не можетъ „свернуть въ сторону естественное теченіе историческихъ событій“ (VI, 382; 1867). Однимъ словомъ, видно, что взгляды Писарева на этотъ вопросъ были еще вполне неустановленными; свою наиболѣе задушевную точку зрѣнія онъ высказалъ между прочимъ въ статьѣ о романахъ Помяловскаго („Романъ кисейной барышни“, 1865 г.): признавая полнѣйшій детерминизмъ историческихъ и общественныхъ явленій, онъ утверждаетъ однако, что „сознавать необходимость всѣхъ явленій, совершающихся въ природѣ, совсѣмъ не значитъ складывать руки и погружаться въ факирское созерцаніе“, ибо „я—также явленіе: и если я чего-нибудь хочу, ищеть, домогается, то зачѣмъ же стѣснять его естественныя стремленія?“ (IV, 253).

Все это показываетъ однако, что общее мировоззрѣніе Писарева значительно видоизмѣнилось за эти годы; исчезъ наивный и воинствующій эгоизмъ, исчезло стремленіе къ наслажденію, какъ къ единственной жизненной задачѣ: прежде „я“ заслоняло собою у Писарева цѣлый міръ, теперь, какъ мы только-что слышали отъ него, „я—также явленіе“, и это „также“ очень характерно. Всѣ новые взгляды Писарева вылились наиболѣе ярко и рельефно въ знаменитой статьѣ „Реалисты“ (1864 г.; она же „Нерѣшенный вопросъ“).

Въ „Реалистахъ“ мы при желаніи можемъ найти непочатый край противорѣчій всѣмъ прежнимъ взглядамъ Писарева, выражен-

нымъ въ „Идеализмъ Платона“, въ „Схоластикъ XIX вѣка“ и въ „Базаровъ“; противорѣчія тѣмъ болѣе ясны, что вся первая половина „Реалистовъ“ посвящена новой и болѣе подробной характеристикѣ того же Базарова. Мы прослѣдимъ за всѣми этими взглядами Писарева, временно оставляя въ сторонѣ только его эстетическія воззрѣнія. Теперь Базаровъ для Писарева является представителемъ типа „мыслящаго реалиста“, и обрисовкѣ, опредѣленію этого типа посвящена вся статья Писарева.

Мыслящій реалистъ — это человѣкъ, пытающійся синтезировать личность съ обществомъ, личную пользу съ общественной. Реализмомъ Писаревъ называетъ „вполнѣ послѣдовательное стремленіе къ пользѣ“, и подчеркиваетъ, что слово „польза“ понимается имъ въ весьма широкомъ смыслѣ (IV, 16, 95). Польза добывается исключительно трудомъ, ergo „реалистъ — мыслящій работникъ, съ любовью занимающійся трудомъ“ (IV, 68); то, что онъ занимается *трудомъ* — приноситъ пользу обществу, а то, что онъ занимается имъ *съ любовью* — доставляетъ удовлетвореніе ему самому. Трудъ — единственный элементъ жизни, дѣлающій ее достойной; природа мастерская и человѣкъ работникъ, — эти слова Базарова Писаревъ повторяетъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и прибавляетъ къ нимъ: „да, жизнь есть постоянный трудъ, и только тотъ понимаетъ ее вполнѣ по-человѣчески, кто смотритъ на нее съ этой точки зрѣнія“ (IV, 5, 123). Но трудъ этотъ не долженъ быть отреченіемъ отъ личности, онъ долженъ быть исполняемымъ „съ любовью“ (см. еще IV, 67), хотя несомнѣнно, что во время труда человѣкъ „принадлежитъ обществу“, и только во время отдыха — самому себѣ (IV, 7). Съ какимъ ужасомъ отнесся бы къ такимъ еретическимъ взглядамъ самъ Писаревъ двумя годами ранѣе, когда, по его мнѣнію, цѣлью каждаго усилія было только возможно большее количество наслажденія, въ чемъ была альфа и омега всякой разумной дѣятельности! (I, 269). Теперь же, спустившись съ необитаемыхъ вершинъ ультраиндивидуализма, Писаревъ считаетъ такой трудъ для личнаго удовольствія — „мартышкинымъ трудомъ“, а людей, проповѣдующихъ его, называетъ неизлѣчимо-больными. Не менѣе рѣзко отрицаетъ онъ и прежнюю свою точку зрѣнія о томъ, что жизнь есть процессъ безъ цѣли, что общій идеаль такъ же невозможенъ, какъ и общія очки; для мыслящаго реалиста общій идеаль и цѣль несомнѣнно существуютъ, даже болѣе того: они главнымъ образомъ характеризуютъ мыслящаго реалиста и наличность ихъ позволяетъ намъ отличить мыслящаго реалиста отъ „эстетика“ (объ этомъ типѣ — послѣ).

„...Именно существованіе этой высшей руководящей идеи у послѣдовательнаго реалиста и отсутствіе такой идеи у эстетика составляетъ основное различіе между этими двумя группами людей. Какая же это идея? Это—идея общей пользы или общечеловѣческой солидарности“ (IV, 63). Поступать на основаніи принципа *потому что мнѣ нравится*—можетъ только „эстетикъ“ (такимъ эстетикомъ, очевидно, былъ Писаревъ въ эпоху написанія „Базарова“); мыслящій же реалистъ оказывается несомнѣннымъ „идеалистомъ“: только тогда его трудъ „возвышаетъ личность“, когда онъ направленъ къ разумной цѣли и достигаетъ ея (IV, 70); „безцѣльное наслажденіе жизнью, наукой, искусствомъ“ оказывается „невозможнымъ“ (IV, 123). Жизнь должна быть „построена на идеѣ“ общечеловѣческой солидарности (IV, 64, 85; какія „идеалистическія“ выраженія!), а „конечная цѣль всего нашего мышленія“ должна заключаться въ разрѣшеніи вопроса „о голодныхъ и раздѣтыхъ“ (IV, 109). Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ возможно скорѣе, мыслящій реалистъ долженъ стремиться къ „экономіи умственныхъ силъ“, а это и есть „не что иное, какъ строгій и послѣдовательный реализмъ“. Въ проповѣди такой экономіи—вся задача литературы (IV, 5).

Таковъ типъ мыслящаго реалиста. Познакомившись съ нимъ, мы можемъ заключить, что, покинувъ бесплодную высь ультра-индивидуализма, Писаревъ сталъ наконецъ на твердую почву; онъ понялъ, что личность и общество не исключаютъ, а взаимно дополняютъ другъ друга. Пренній наивный эгоизмъ и эгоцентризмъ Писарева кануль въ Лету; теперь онъ даже не можетъ понять, какимъ образомъ самый широкій, гениальный человѣкъ (напримѣръ, Гете) можетъ чувствовать себя удовлетвореннымъ въ узкихъ границахъ своего я: „какъ могъ онъ (Гете), при своемъ громадномъ умѣ, предпочитать узкій міръ своихъ личныхъ ощущеній широкому міру волнующейся жизни человѣчества?...“ (IV, 44). Теперь Писаревъ настолько увлеченъ новой точкой зрѣнія, что готовъ даже впасть въ другую крайность и признать общество—организмомъ (IV, 359), на что онъ такъ рѣзко нападалъ въ своихъ статьяхъ 1861 г.; впрочемъ это только мимолетное признаніе, изъ котораго Писаревъ не дѣлаетъ дальнѣйшихъ логическихъ выводовъ, хотя и говоритъ, что *весь* принадлежитъ тому обществу, которое его сформировало (IV, 123). Но всѣ такія единичныя мѣста ничего не доказываютъ; общая же тенденція Писарева къ эмансипаціи личности осталась прежней: она только умѣрилась введеніемъ новаго фактора—*признаніемъ необходимости общаго идеала*, что по необходимости и строго логично

привело къ синтезированію началъ личнаго и общественнаго. По-этому *мыслящій реалистъ* и является представителемъ *индивидуализма* (мы пока оставляемъ въ сторонѣ его эстетическія воззрѣнія).

Но какимъ образомъ *мыслящій реалистъ* можетъ служить общему идеалу, т.-е. способствовать разрѣшенію вопроса о голодныхъ и раздѣтыхъ? Въ этомъ пунктѣ Писаревъ не удержался на уровнѣ индивидуализма и предложилъ рецептъ, сильно приближающій его теорію къ такъ ненавидимому имъ мѣщанству. Это неприятое сосѣдство фатальнымъ образомъ преслѣдовало Писарева во всѣхъ періодахъ его литературной дѣятельности. Въ эпоху своего воинствующаго, юношескаго эгоизма и ультра-индивидуализма Писаревъ, какъ мы это уже отмѣтили, проповѣдывалъ *теорію самосовершенствованія*, а это во всѣхъ отношеніяхъ опасная теорія. Кто говоритъ, самосовершенствованіе дѣло почтенное, не менѣ заслуживающее уваженія, чѣмъ умѣренность и аккуратность, но вотъ въ чемъ бѣда: и то, и другое, и третье — только, такъ сказать, „пограничныя“ добродѣтели. Въ большомъ количествѣ — это вещь нестерпимая, равно какъ и въ единственномъ числѣ. Умѣренность и аккуратность — это „добродѣтели второго порядка“; поставленные во главу угла, онѣ обращаются въ полнѣйшее, безпросвѣтное мѣщанство; не даромъ Салтыковъ сообщаетъ, что Умѣренность и Аккуратность — двѣ бобылки, живущія на задворкахъ у добродѣтелей и въ близкомъ сосѣдствѣ съ пороками („Сказки“). Великій сатирикъ напрасно не прибавилъ къ нимъ еще Самосовершенствованія. Самосовершенствованіе, положенное во главу угла, обращается въ ультра-индивидуализмъ, граничащій съ мѣщанствомъ; въ этомъ мы убѣдимся, когда перейдемъ къ эпохѣ общественнаго мѣщанства.

Теорія самосовершенствованія, какъ цѣли и наивный эгоизмъ приближали Писарева (1860—1862 г.) къ столь ненавидимому имъ мѣщанству. Отъ наивнаго эгоизма ему удалось освободиться, но теорія самосовершенствованія перешла и въ новое его міровоззрѣніе подъ нѣсколько инымъ видомъ, а имено — подъ видомъ теоріи *кружковщины*: это было отвѣтомъ на вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ. Мы бѣдны и мы глупы, утверждаетъ Писаревъ, но въ этомъ только пользѣ горя, а бѣда въ томъ, что „мы бѣдны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бѣдны“ (IV, 4). Чтобы избавиться отъ бѣдности, надо экономизировать умственные силы, чтобы избавиться отъ глупости, надо распространять знанія. Но *какъ* распространять? — вотъ въ чемъ вопросъ (IV, 128). Чтò полезнѣе — одинъ университетъ или сотня народныхъ школъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Пи-

саревъ приписываетъ личности гораздо больше значенія, чѣмъ она имѣетъ на дѣлѣ: мы видѣли, что въ своихъ историческихъ взглядахъ онъ часто колебался, переходилъ отъ теоріи „толпы“ къ теоріи „героевъ“; въ данномъ же случаѣ онъ дѣликомъ стоялъ на второй точкѣ зрѣнія. „Судьба народа рѣшается не въ народныхъ школахъ, а въ университетахъ“, утверждаетъ онъ (IV, 132); народъ выучится самоучкой и будетъ въ такомъ случаѣ гораздо богаче знаніемъ (хотя бы качественно, а не количественно), какъ человекъ, самъ заработавшій тысячу рублей, богаче того, которому вы подарили двѣ тысячи. Дѣло не въ народѣ, а въ интеллигенціи, которая рѣшаетъ судьбы народа: надо, чтобы въ ней „усилился запросъ на умственную дѣятельность“, чтобы въ ней увеличилось „число мыслящихъ людей“. Итакъ, увеличеніе числа мыслящихъ реалистовъ — вотъ въ чемъ задача: „въ этомъ альфа и омега общественнаго прогресса“, а увеличить число мыслящихъ реалистовъ можно только путемъ совершенствованія, перенесеннаго съ личности на кружокъ. Распространять знанія надо кружками для самообразованія: каждый долженъ вліять и дѣйствовать въ томъ кружкѣ, въ которомъ онъ живетъ. „Учитесь сами и вовлекайте въ сферу вашихъ умственныхъ занятій вашихъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ, товарищей“... Такая дѣятельность увеличитъ число мыслящихъ реалистовъ, а когда ихъ будетъ много, они сдумаютъ рѣшить вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ (IV, 130).

Итакъ, Писаревъ полагаетъ рѣшить соціальный вопросъ созданіемъ мыслящаго пролетаріата. Такая проповѣдь воочію обнаруживаетъ глубочайшую вѣру во всеиліе интеллигенціи („судьбы народа рѣшаются въ университетахъ“ — этого не говорилъ впоследствии даже авторъ теоріи критически мыслящихъ личностей!); интеллигентный пролетаріатъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу многомилліоннаго народа: вѣдь это въ своемъ родѣ признаніе громадной исторической роли личности. Конечно, теорія всеилія интеллигенціи не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, но все-таки только эта теорія спасла Писарева отъ погруженія въ бездны мѣщанства, этимъ онъ различается отъ восьмидесятниковъ, во многомъ повторившихъ его положенія. Дѣйствительно, восьмидесятники также ставили на первый планъ саморазвитіе и самосовершенствованіе, проповѣдывали теорію малыхъ дѣлъ, — и были потому безнадежными мѣщанами: теорія малыхъ дѣлъ давила собою всѣ ихъ идеалы, вѣры въ свои силы у нихъ не было. Писаревъ граничитъ съ мѣщанствомъ въ своей проповѣди всеспасительнаго самосовершенствованія; въ ней также видна

теорія малыхъ дѣлъ (дѣятельность внутри кружка Писаревъ согласенъ считать скромной и мизерной, хотя и полезной); но разница въ томъ, что теорію малыхъ дѣлъ онъ не ставитъ во главу угла своего міровоззрѣнія. Онъ вѣритъ въ силы интеллигентнаго пролетаріата: подождите немного, говоритъ онъ, экономизируйте временно силы, дайте сформироваться большому числу мыслящихъ реалистовъ, а тогда... тогда рѣшится судьба народа, тогда будутъ одѣты и накормлены раздѣтые и голодные. Интеллигенція безсильна говорили восьмидесятники, и единственное что намъ осталось—это дѣлаться лучше, совершенствоваться, идти въ чиновники и стараться быть полезными народу; это была теорія малыхъ дѣлъ, доминирующая надъ всѣмъ міровоззрѣніемъ. Писаревъ преувеличивалъ значеніе интеллигенціи, но эта ошибка позволяла ему считать теорію малыхъ дѣлъ только *временнымъ* факторомъ; восьмидесятники уменьшали роль интеллигенціи, а потому и впали въ мѣщанство, считая теорію малыхъ дѣлъ единственной и *постоянной* панацеей. Впрочемъ о восьмидесятникахъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ; теперь дѣло только въ томъ, что хотя теоріи Писарева и граничили съ мѣщанствомъ, но не совпадали съ нимъ. Писарева спасла ошибочная мысль о громадномъ значеніи интеллигентнаго пролетаріата; впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что если бы онъ увидѣлъ ошибочность своей мысли, то и въ такомъ случаѣ онъ сдумалъ бы уклониться отъ мѣщанства, въ сосѣдствѣ съ которымъ онъ очутился совершенно противъ своей воли и противъ всякаго ожиданія. Но во всякомъ случаѣ между нимъ и мѣщанствомъ лежитъ непроходимая пропасть; основная мысль Писарева — *приматъ индивидуальной нравственности надъ социальными идеалами*, получившая такое развитіе въ писаревщинѣ („какъ жить свято?“) — никогда не была съ такой широтой и горячей убѣжденностью развита въ мѣщанствѣ.

Дальше идей, высказанныхъ въ „Реалистахъ“, Писаревъ не пошелъ; большинство наиболѣе замѣчательныхъ дальнѣйшихъ статей (1865 г.) были посвящены разработкѣ вопроса объ эстетикѣ. На чемъ остановился бы онъ, если бы жизнь его не была такъ внезапно прервана—вопросъ праздный; но оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, что могло быть, мы перейдемъ къ тому, что было: мы не коснулись еще одной изъ главнѣйшихъ сторонъ міровоззрѣнія Писарева—его отношенія къ искусству, къ эстетикѣ.

Эстетическія воззрѣнія Писарева испытали на себѣ ту же эволюцію (съ точки перелома въ 1864 г.), какую мы видѣли въ его взглядахъ на личность и общество. Въ періодъ своего ультра-

индивидуализма Писаревъ относился къ вопросамъ о наукѣ и искусствѣ весьма широко, а потому и наиболѣе правильно, хотя онъ и смотрѣлъ на искусство и науку съ точки зрѣнія своего личнаго наслажденія. Онъ требуетъ полной свободы художника для выбора и обработки сюжета (I, 355), хотя въ то же самое время требуетъ демократизаціи науки и искусства: надо, чтобы они были доступны массѣ, а не специалистамъ, ибо „не люди существуютъ для науки и искусства“, а наука и искусство для людей (I, 366—367). Можно наслаждаться и Фетомъ, и Полонскимъ, но нельзя не признать, что болѣе замѣчательный и болѣе широкій поэтъ откликнулся бы на интересы своей эпохи (I, 398; все это — изъ „Схоластики XIX вѣка“). Крайніе взгляды на искусство Писаревъ считаетъ узостью; по его мнѣнію (1862 г.), Базаровъ „завирается“, отрицая поэзію, музыку, наслажденіе природой; если Базаровъ не имѣетъ эстетическихъ эмоцій, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ право отрицать наличность такихъ эмоцій въ другихъ: „выкраивать людей на одну мѣрку съ собой, значить впадать въ узкій умственный деспотизмъ“. Базаровъ отрицаетъ искусство, потому что онъ человѣкъ односторонній, „крайне необразованный“, привыкшій безапелляціонно судить обо всемъ сплеча. Природа — мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ,—съ этой мыслью Писаревъ готовъ согласиться (хотя и совершенно непоследовательно, ибо мысль эта расходится съ общими взглядами Писарева въ 1861—62 гг.); но даже соглашаясь съ этой мыслью, Писаревъ не можетъ согласиться съ дальнѣйшими выводами Базарова. Пусть человѣкъ работникъ — но работнику надо отдыхать, надо наслаждаться; а что, если ему доставляетъ наслажденіе переливъ контуровъ и красокъ, свѣжая зелень, красоты природы? „Сказать человѣку: не наслаждайся природой — все равно, что сказать ему: умерщвляй свою плоть“ (II, 398—402).

Это была вполнѣ индивидуалистическая точка зрѣнія, не впадающая въ крайность; если бы Писаревъ остался при ней, строя свою теорію синтеза личности съ обществомъ и выясняя типъ мыслящаго реалиста, то въ такомъ случаѣ его міровоззрѣніе позднѣйшихъ лѣтъ было бы болѣе гармоничнымъ. Но удержаться на этой точкѣ зрѣнія онъ не могъ: стремительно совершивъ въ теченіе одного года (1863) путь отъ ультра-индивидуализма къ индивидуализму въ соціологической части своей теоріи, онъ совершенно произвольно и не менѣе стремительно перешелъ отъ индивидуализма къ анти-индивидуализму въ области эстетики. Онъ произвелъ

то „разрушеніе эстетики“, честь котораго (честь ли?) онъ хотѣлъ приписать автору „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“; мы уже видѣли, что первый толчекъ былъ дѣйствительно данъ Чернышевскимъ, но главная роль „разрушителя“ вседѣло должна быть удержана за Писаревымъ.

Свою новую точку зрѣнія Писаревъ наиболѣе подробно выяснилъ въ „Реалистахъ“, а впослѣдствіи только дополнилъ въ „Прогулкѣ по садамъ російской словесности“ и въ „Посмотримъ!“ (обѣ—1865 г.). Писаревъ начинаетъ съ того; что совершенно отрицаетъ тотъ крайній субъективистическій критерій оцѣнки произведеній искусства, который принимался имъ прежде безусловно. Мы помнимъ, что единственнымъ эстетическимъ критеріемъ для Писарева было личное впечатлѣніе (I, 353); теперь онъ энергично отрещивается отъ такого взгляда. „Взглянулъ, понравилось—ну, значить, хорошо, прекрасно, изящно. Взглянулъ, не понравилось—кончено дѣло: скверно, отвратительно, безобразно“: такіе приговоры Писаревъ считаетъ пошлыми; мыслящій реалистъ долженъ сначала узнать, „что за штука это я, такъ отважно произносящее свои рѣшительные приговоры“ (IV, 59, 63; см. еще 513—516). Очевидно, и здѣсь дѣло сводится къ необходимости имѣть нѣкоторый „общій идеалъ“, который обусловливалъ бы собою опредѣленный критерій; такимъ общимъ идеаломъ для мыслящаго реалиста является, какъ мы знаемъ, „идея общей пользы или общечеловѣческой солидарности“ (IV, 63). И вотъ эта-то идея общей пользы и заставляетъ Писарева не только не признавать какого-либо эстетическаго критерія, но и совершенно отрицать всю эстетику. Эстетическія эмоціи должны быть уничтожены на основаніи этическихъ соображеній: вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ заслоняетъ собою искусство; только филистеръ и эстетикъ посмѣетъ сказать: „пускай бѣднота голодаетъ и зябнетъ; моя потребность наслаждаться искусствомъ нормальна и законна“ (V, 195)... Нѣтъ, „долой эстетику!“ (это новый кличъ и новый девизъ Писарева), долой тѣ стороны культуры и прогресса, которыя не отвѣчаютъ на главные вопросы: „какъ накормить голодныхъ людей? какъ обезпечить всѣхъ вообще?“ (V, 199); долой тѣ стороны прогресса, которыя не отвѣчаютъ „общему идеалу“—идеалу общей пользы. Итакъ, долой всю эстетику; эстетика, безотчетность, рутина, привычка—это все синонимы (IV, 61). И Писаревъ ведетъ атаку на эстетику одновременно съ самыхъ разныхъ сторонъ: этическія соображенія—это его тяжелая артиллерія, чаще же онъ пользуется вылазками противъ абсолют-

ныхъ нормъ эстетики—и въ этомъ его существеннѣйшая ошибка. Конечно, опровергать всѣ ошибки Писарева въ настоящее время—довольно праздное занятіе, но на указанную выше ошибку мы обращаемъ вниманіе потому, что нѣкоторые впадаютъ въ нее и до настоящаго дня. Писаревъ побиваетъ эстетику тѣмъ, что она якобы считаетъ себя постоянной величиной; стремящейся въ одной теоріи примирить взгляды всѣхъ людей, между тѣмъ какъ „у каждаго отдѣльнаго человѣка образуется своя собственная эстетика, и слѣдовательно общая эстетика, приводящая личные вкусы къ обязательному единству, становится невозможной“ (IV, 499). Эстетика для Писарева—это „наука о томъ, какъ и чѣмъ должно наслаждаться“ (IV, 501), а такая наука—несомнѣнная бессмыслица, и эту бессмыслицу Писаревъ разоблачаетъ вполне побѣдоносно: какъ наслаждаться и чѣмъ наслаждаться—это вполне дѣло личнаго вкуса, и въ этомъ случаѣ Писаревъ твердо стоитъ на своей старой точкѣ зрѣнія. Побѣду надъ *такой* эстетикой мы готовы ему уступить, не проливъ ни одной капли чернилъ; но дѣло мѣняется, когда, безсознательно превосхищая теорію типовъ и степеней Михайловскаго, Писаревъ доказываетъ, что нѣтъ критерія, который могъ бы показать, что „Ванька-Ганька“ ниже симфоніи Бетховена (V, 173—8). Нѣтъ критерія—значить дѣло сводится опять къ личному вкусу и опять Писаревъ впадаетъ въ „эстетизмъ“! Его ошибка по отношенію къ эстетикѣ въ томъ же, въ чемъ была ошибка по отношенію къ этикѣ и утилитаристовъ-шестидесятниковъ и въ особенности фетишистовъ необходимости, девяностидесятниковъ: они отрицали общеобязательныя этическія нормы, основываясь на различіи и измѣненіи этихъ нормъ въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ. Это грубая ошибка. Системы морали подчиняются въ своемъ развитіи категоріямъ времени и пространства, такъ же какъ и научныя системы, но научная и этическая правда, правда-истина и правда-справедливость—едины. Это почти дословно приложимо и къ эстетикѣ, а потому писаревская аргументація отъ личнаго вкуса ничего не доказываетъ. Его отрицательныя отношенія къ музыкѣ, живописи и т. п.—совершенно субъективны: эти искусства *ему* не нравятся, *слѣдовательно* ихъ можно вычеркнуть изъ общечеловѣческаго обихода. Онъ самъ говоритъ о пластическихъ и тоническихъ искусствахъ: „я чувствую къ нимъ глубочайшее равнодушіе“. „Великій Бетховенъ“, „великій Рафаэль“ для него то же самое, что „великій поваръ Дюссо“ и „великій маркеръ Тюря“ (IV, 120—1). Поэзію онъ готовъ признать, но только „истинную“: тотъ поэтъ, кто пи-

петь кровью сердца и сокомъ нервовъ, кто безпредѣльно любить и глубоко ненавидитъ (IV, 97—8); поэтому Гейне, Гете, Шекспиръ—поэты, а Пушкина можно смѣло поставить на полку и задернуть траурной тафтой (IV, 110 и 367—8). Въ этомъ критеріи скъазывается общій идеаль: кто пишетъ кровью сердца и сокомъ нервовъ, тотъ несомнѣнно приноситъ дѣйствительную пользу (IV, 95 и сл.); на почвѣ этого же общаго идеала Писаревъ пытается обосновать и свое отрицательное отношеніе къ другимъ искусствамъ, сознавая, что его личное „глубочайшее равнодушіе“ къ нимъ—еще не аргументъ. Пластическія и тоническія искусства бесполезны, а потому и подлежатъ осужденію, равно какъ и эстетическое смакованіе красотъ природы и т. д. Свою прежнюю точку зрѣнія, по которой эстетическія эмоціи законны какъ отдыхъ отъ труда, какъ наслажденіе, Писаревъ считаетъ ошибочной и находитъ ошибку въ томъ, что *трудъ* онъ противопоставлялъ *наслажденію*, между тѣмъ какъ нужно стремиться къ тому, чтобы въ нашей личной жизни трудъ и наслажденіе сдѣлались синонимами (V, 204).

И къ такимъ взглядамъ могъ придти убѣжденный индивидуалистъ, проповѣдникъ полной эмансипаціи личности! И Писаревъ не видѣлъ, что въ своемъ отношеніи къ эстетикѣ онъ рѣзко противорѣчитъ всѣмъ своимъ завѣтнѣйшимъ взглядамъ и убѣжденіямъ! Какъ примирялъ онъ свой индивидуализмъ со своей узостью въ вопросахъ искусства? Въ томъ-то и дѣло, что онъ не видѣлъ и не могъ видѣть своего противорѣчія; наоборотъ, онъ считалъ себя вполне послѣдовательнымъ и логичнымъ: онъ полагалъ, что, разрушая эстетику, онъ тѣмъ самымъ способствуетъ освобожденію личности. Прежде онъ считалъ, что личность угнетена общими идеалами, принципами, теоріями, итакъ—долой теоріи, долой идеалы! Теперь онъ доказываетъ, что эстетика это именно тѣ пути, которыя больше всего связываютъ личность; итакъ—долой эстетику! Но доказать, что эстетика угнетаетъ личность, можно было только приложеніемъ якобы этического критерія къ эстетикѣ—и Писаревъ сдѣлалъ это, идя далѣе по пути, намѣченному Чернышевскимъ и наполовину пройденному Добролюбовымъ. Писаревъ только дошелъ до послѣдней точки этого пути и явился истиннымъ „разрушителемъ эстетики“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимъ своимъ эстетическимъ антииндивидуализмомъ Писаревъ впалъ въ коренное противорѣчіе съ самимъ собою. Эстетика должна быть упразднена, потому что этого требуетъ этический критерій „общей пользы“, независимо отъ желанія отдѣльныхъ личностей. Писаревъ „освобождалъ“ отъ эстетики

тѣмъ же путемъ, какимъ во время оно ярые республиканцы при водили несогласно мыслящихъ къ своему символу вѣры. „Liberté égalité, fraternité ...ou la mort“,—такова эта нѣсколько неожиданная аргументація (надъ которою такъ зло смѣялся Достоевскій), носящая въ себѣ самой ферментъ разложенія, разтѣдающее противорѣчіе: хороши эти свобода и братство, которыя проповѣдуются угрозою казни всѣмъ несогласно мыслящимъ! Въ томъ же противорѣчій запутался и Писаревъ съ двумя своими девизами: „эмансипація личности“ и „долой эстетику!“—во имя общей пользы. Хороша проповѣдь свободы личности, если эта свобода должна быть достигнута кастраціей этой же личности!

Итакъ, вотъ два коренныхъ противорѣчія Писарева: во-первыхъ, столкновение соціологическаго индивидуализма съ этическимъ антииндивидуализмомъ утилитаризма, и, во-вторыхъ, столкновение соціологическаго индивидуализма съ эстетическимъ антииндивидуализмомъ.

Противорѣчій своихъ Писаревъ не примирилъ; они еще болѣе обострились въ писаревщинѣ, явно показавшей, что нужно новое и цѣльное міровоззрѣніе, чтобы выбраться изъ этой мертвой зыби индивидуализма и антииндивидуализма, которая составляетъ характернѣйшій признакъ бурной эпохи шестидесятыхъ годовъ. Въ этой мертвой зыби Писаревъ потонулъ гораздо раньше, чѣмъ въ волнахъ Балтійскаго моря; по крайней мѣрѣ полную безличность его статей 1866—1868 гг. мы объясняемъ главнымъ образомъ его сознаниемъ (а можетъ быть и полусознаннымъ чутьемъ) совершенной непригодности своего міровоззрѣнія... Не споримъ, быть можетъ, тюремное заключеніе и громадный трудъ отчасти подорвали силы Писарева, и онъ, какъ говорятъ, „исписался“; но можно было бы доказать подробнымъ анализомъ произведеній Писарева за два послѣднихъ года его жизни, что въ нихъ видна главнымъ образомъ его растерянность предъ возникающими новыми запросами. Онъ вдругъ оказался безъ критерія въ рукахъ; онъ какъ бы увидѣлъ всю бездну противорѣчій, которая заключалась между его отношеніемъ къ наукѣ и искусству и его требованіемъ эмансипаціи личности, между его выставленіемъ впередъ личности и утилитарной моралью; эта мертвая зыбь не давала возможности спасенія. Нужно было или выработать новое, цѣльное міровоззрѣніе,—а этого не могъ уже сдѣлать Писаревъ, или идти по прежней дорогѣ, не обращая вниманія на противорѣчія и доводя свои взгляды до абсурда, какъ это было въ писаревщинѣ, въ нигилизмѣ,—но Писаревъ былъ слишкомъ даровитъ, чтобы сдѣлаться писаревцемъ; онъ былъ мыслящимъ реалистомъ, а не ниги-

листомъ (хотя и не различалъ этихъ терминовъ). Изъ мертвой зыби индивидуализма и анти-индивидуализма Писареву не было спасенія. И онъ утонулъ.

Писаревщина попыталась избѣжать неизбежнаго пересмотра всего міровоззрѣнія шестидесятихъ годовъ и идти далѣе по пути, на которомъ погибъ Писаревъ; конечно, попытка эта была обречена на неизбежное крушеніе. Это не помѣшало значительной группѣ русской интеллигенціи увлечься писаревщиной и стать представительницей течения, выродившагося впоследствии въ такъ называемый нигилизмъ. Писаревщиной и нигилизмомъ окрашена вся вторая половина эпохи шестидесятихъ годовъ. Чтобы закончить наше знакомство съ этой эпохой и подвести затѣмъ общій итогъ всѣмъ полученнымъ результатамъ, намъ необходимо ближе познакомиться съ „мыслящими реалистами“ и ихъ эпигонами, представителями нигилизма.

„Страшное дѣло строится въ пустынь, — говорилъ о шестидесятихъ годахъ Михайловскій:— сколько предстоитъ блужданій, напрасной траты силъ, сколько риску и опасностей!“ Въ началѣ этой эпохи Чернышевскій, казалось, стоялъ на твердой почвѣ и на вѣрномъ пути, но самъ же онъ внесъ и ферментъ разложенія въ міровоззрѣніе эпохи, сталкивая другъ съ другомъ соціологическій индивидуализмъ и этический анти-индивидуализмъ. Соціалистическое теченіе не захватило въ то время всю русскую интеллигенцію, расколовшуюся тогда на три группы; расколъ этотъ ознаменовался полемикой „Русскаго Слова“ съ „Современникомъ“ и „Современника“ съ западниками-либералами. Въ эту эпоху и принялось пущенное Тургеневымъ слово (встрѣчавшееся гораздо раньше): „нигилизмъ“ и „нигилисты“ вошли въ разговорную рѣчь послѣ появленія „Отцовъ и дѣтей“, написанныхъ въ 1861 году.

Подъ нигилизмомъ понимали и понимаютъ крайности отрицательнаго направленія, проявившагося въ эпоху всеобщей ломки старыхъ и узкихъ рамокъ; но явленіе это въ разныя времена шестидесятихъ годовъ имѣло совершенно разную окраску. Былъ нигилизмъ и до 1861 г.: тогда этимъ словомъ крѣпостники и реакціонеры клеймили передовую часть русской молодежи; всякій скептицизмъ назывался нигилизмомъ, надъ чѣмъ еще въ 1858 г. ядовито смѣялся Добролюбовъ (см. Сочин., I, 531). Конечно, нелѣпо прилагать къ этимъ людямъ, во главѣ которыхъ стояли Чернышевскій и Добролюбовъ, вполнѣ произвольную кличку „нигилистовъ“; весь ихъ нигилизмъ заключался въ томъ, что они и въ области мысли и въ области чувства были безусловно сильными людьми; они имѣли по-

этому право цѣнить чрезвычайно высоко „тѣмъ низкихъ истинъ“, и настолько же презрительно относиться ко всякому возвышающему обману“. Этимъ объясняется и ихъ рѣзкое отношеніе къ общественнымъ недугамъ, желаніе не залѣчивать, а радикально вылѣчивать ихъ; вотъ почему и крестьянскій вопросъ былъ поставленъ такъ ребромъ; вотъ почему и естественныя науки послужили средствомъ разрушенія тѣхъ или иныхъ возвышающихъ душу обмановъ.

На смѣну этому авангарду русскихъ шестидесятниковъ, сдѣлавшему громадное дѣло освобожденія людей отъ рабства и эпохи отъ мѣщанства, явились новые люди, не менѣе сильные, но менѣе счастливые: явился Писаревъ, явились Базаровы, Лопуховы, Кирсановы, Рахметовы, явились Череванины: разночинецъ выступилъ сплоченной массой на историческую сцену и воплотился въ „мыслящаго реалиста“. Это были люди менѣе счастливые, такъ какъ имъ было суждено потонуть въ мертвой зыби своей эпохи и къ концу ея выродиться въ представителей нигилизма. Къ этому поколѣнію второй половины шестидесятыхъ годовъ, къ поколѣнію Базаровыхъ и Череваниныхъ впервые примѣнили en masse названіе нигилистовъ, съ легкой руки Тургенева; и дѣйствительно къ этому были уже нѣкоторыя основанія. У нихъ, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, впервые во всей своей силѣ сказался принципъ *жажды разрушенія*, и разрушенія не только старыхъ, мѣщанскихъ формъ, но и отнюдь не мѣщанскаго содержанія. По мѣткимъ словамъ Писарева (въ „Схоластикѣ XIX вѣка“), вотъ каковы были основныя положенія партіи, къ которой причислялъ себя и Писаревъ, т.-е. группѣ, называвшейся нигилистической: „что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится въ дребезги, то хламъ: во всякомъ случаѣ, бей направо и налево, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть“. И Базаровъ дѣйствительно бьетъ и направо и налево, одинаково отрицаетъ и эстетику, и принципы, и „...страшно вымолвить что“... На этомъ поколѣніи—и именно на типѣ Базарова—мы остановимся подробнѣе.

Въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, именно во вторую ихъ половину, Тургеневъ занялъ печальное положеніе ни павы, ни воронки между людьми сороковыхъ годовъ и шестидесятыхъ. Онъ слишкомъ былъ эстетикъ съ головы до ногъ, чтобы примкнуть къ Базаровымъ, и въ то же самое время онъ радикально разошелся съ западниками-либералами, въ родѣ Павла Петровича (изъ „Отцовъ и дѣтей“). Также не могъ онъ сойтись во взглядахъ съ народничествомъ Герцена, и вообще въ эту эпоху онъ чувствовалъ себя вполнѣ лиш-

нимъ человѣкомъ. Онъ былъ, подобно всѣмъ своимъ наиболѣе характернымъ героямъ, въ высокой степени слабый человѣкъ; это достаточно подтвердилось появленіемъ его знаменитаго „Довольно“ (1864 г.). Интересно, что именно въ этой вещи онъ высказываетъ, что всякая доступная человѣку истина связываетъ намъ руки и замыкаетъ уста; возвышающій обманъ, конечно, пріятнѣе. Въ свободу человечества онъ не вѣрилъ (см. его „Necessitas-Vis-Libertas“); суть жизни считалъ мелкой, неинтересной и нищенски-плоской, вообще мѣщанской (VII, 113), и въ этомъ отношеніи былъ соединительнымъ звеномъ между Лермонтовымъ и Чеховымъ; ко всякаго рода „героямъ“ относился насмѣшливо: „герой мычитъ, какъ быкъ; зато двинуть рогомъ—стѣны валятся“ (II, 274). Послѣ этого обрисовка типа Базарова и его отношеніе къ этому типу заслуживаютъ всяческаго удивленія; очевидно, что Тургеневъ дѣйствительно въ очень многомъ былъ близокъ къ Базарову, совершенно чистосердечно заявляя, что „за исключеніемъ возрѣній на искусства, я раздѣляю почти всѣ его убѣжденія“ (XII, 95). Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ основѣ этой симпатіи лежитъ одинаково положительное отношеніе къ индивидуализму и Тургенева и Базарова (какъ лица собирательнаго).

Тургеневъ никогда не высказывался достаточно подробно по вопросу объ индивидуализмѣ, но по всему можно заключить, что онъ ставилъ личность не менѣе высоко, чѣмъ тѣ западники сороковыхъ годовъ, къ числу которыхъ онъ и самъ принадлежалъ. Онъ съ симпатіей говоритъ объ индивидуализмѣ Гете; даже примиреніе личности съ обществомъ (во второй части Фауста) кажется ему неправдоподобнымъ и принижаящимъ личность. Гете, по его словамъ, „первый заступился за права—не человѣка вообще, нѣтъ—за права отдѣльнаго, страстнаго, ограниченнаго человѣка“, иначе говоря—за права личности (XII, 231). Наконецъ, во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева проскальзываетъ его одинаково горячее отношеніе и къ человѣку и къ личности: первое достаточно выразилось въ „Запискахъ охотника“, второе наглядно проявилось въ типахъ лишнихъ людей, страдающихъ именно отъ своей неуравновѣшенности между „индивидуализмомъ“ и „мѣщанствомъ“.

Базаровъ—а съ нимъ и весь нигилизмъ второй половины шестидесятыхъ годовъ—несомнѣнно имѣетъ наклонность въ сторону индивидуализма: мы впрочемъ не будемъ называть Базарова и его единомышленниковъ нигилистами, хотя онъ себя такъ называетъ; этотъ терминъ гораздо болѣе подойдетъ къ поколѣнію конца шести-

десятихъ годовъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Писаревъ назвалъ Базарова (также какъ и себя) „мыслящимъ реалистомъ“; это названіе мы и сохранимъ. Хотя Базаровъ и бьетъ направо-налѣво, но это еще не тотъ типичный нигилистъ, который явится нѣсколькими годами позже. Для него „нигилизмъ“ прежде всего—критическая точка зрѣнія, отрицаніе авторитетовъ, какъ представителей принципа „magister dixit“, отрицаніе принциповъ, какъ истинъ относительныхъ и требующихъ переоцѣнки. „Аристократизмъ, либерализмъ, прогрессъ, принципы—говорить между прочимъ онъ:—подумаешь, сколько иностранныхъ... и бесполезныхъ словъ!“ Въ этомъ онъ на три четверти правъ, и не въ такомъ отрицаніи можно найти характерныя стороны нигилизма; правда, въ иныхъ вопросахъ Базаровъ, по инерціи отрицанія, выказываетъ себя до нѣкоторой степени „нигилистомъ“, но далеко не столь яркимъ, какіе появились впоследствии. Онъ, напримѣръ, настолько „реалистъ“, что отказывается понимать абстракцію: „что такое наука—наука вообще?—вопрошаетъ онъ:—есть науки, какъ есть ремесла, званія, а наука вообще не существуетъ вовсе“... Для него не существуетъ эстетики, для него порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта; но въ то же время онъ не опредѣляетъ (какъ это дѣлали потомъ типичные нигилисты) эстетическій принципъ, какъ „irritatio spinalis, возведенное въ перлъ созданія“... (см. „Русское Слово“ 1864 г. № 1, стр. 29; статья В. Зайцева „Бѣлинскій и Добролюбовъ“). Итакъ, Базаровъ и его поколѣніе—не типичные нигилисты; если они беспощадно ломали все направо и налѣво, если они кореннымъ образомъ отрицали многое, что было дорого предшествующимъ поколѣніямъ, то это въ нихъ кипѣла жизнь и былъ силъ избытокъ; еще за двадцать лѣтъ до нихъ Бѣлинскій глубоко вѣрно замѣтилъ, что „въ томъ-то и состоитъ жизненность развитія, что послѣдующему поколѣнію есть что отрицать въ предшествовавшемъ“. Мыслящіе реалисты отрицали многое, но не впали изъ-за этого въ безжизненность; это случилось потомъ съ черезчуръ слѣпными послѣдователями Писарева.

Интересна и глубоко типична въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ стычка Базарова съ Павломъ Петровичемъ, въ лицѣ котораго Тургеневъ почти высмѣялъ одного изъ представителей либеральнаго западнаго доктринерства. Павелъ Петровичъ убѣжденный поклонникъ свободы человѣка; онъ даже думаетъ, что его глубоко интересуется человѣческая личность. „Личность, милостивый государь, — вотъ главное; человѣческая личность должна быть крѣпка, какъ скала,

ибо на ней все строится“, восклицаетъ онъ, хотя ему, англоману и либералу, въ сущности очень мало дѣла до свободы и крѣпости личности. (Нѣсколько неправдоподобно, что Тургеневъ заставилъ Павла Петровича стоять за общину, см. II, 57, такъ какъ община была *bête poire* всѣхъ западниковъ и англомановъ). Базаровъ, со всѣмъ своимъ отрицаніемъ, гораздо больше индивидуалистъ, чѣмъ этотъ отживающій обломокъ барствующаго либерализма; къ слову сказать, самый „нигилизмъ“ Базаровъ считаетъ дѣтищемъ противо-дѣйствія либеральному доктринерству (см. II, 54—55). Индивидуализмъ его не выражается такъ рѣзко, какъ quasi-индивидуализмъ Павла Петровича; съ перваго взгляда онъ даже отрицательно относится къ самому понятію индивидуальности, ибо по его мнѣнію „всѣ люди другъ на друга похожи, какъ тѣломъ, такъ и душой... Достаточно одного человѣческаго экземпляра, чтобы судить обо всѣхъ другихъ. Люди, что деревья въ лѣсу: ни одинъ ботаникъ не станетъ заниматься каждою отдѣльною березой“. Въ другой разъ онъ утверждаетъ, что природа не храмъ, а мастерская, въ которой человѣку отведена роль чернорабочаго; что этотъ взглядъ нѣсколько суживаетъ личность—это понялъ и высказалъ еще Добролюбовъ, предвосхитившій и оспаривавшій мысль Базарова, какъ это мы отмѣтили выше. Но все это мелочи, и только въ послѣдствіи Базаровъ высказывается вполне категорично о личности, опредѣляя свое отношеніе къ народу, къ мужику. Вполнѣ примыкая ко взглядамъ критическаго народничества, Базаровъ высказалъ, что ему важны *интересы*, а не *мнѣнія* народа (см. II, 53); но въ то же самое время онъ не согласенъ съ Аркадіемъ, что ради этихъ интересовъ „мы не имѣемъ права предаваться удовлетворенію личнаго эгоизма“: въ этомъ онъ видитъ чрезмѣрное ограниченіе правъ личности. Когда ему говорятъ, что онъ долженъ пожертвовать своей личностью во имя блага общества (хотя бы того же народа), то онъ совершенно искренне возмущается: „я возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ; ну, а дальше?“ (II, 23—24, 27, 51—52, 87, 136 и др.). Въ этихъ словахъ мы слышимъ то же возмущеніе противъ „шигалевщины во времени“, которое видѣли раньше у Бѣлинскаго и у Герцена; и такое отношеніе къ этой шигалевщинѣ является общимъ для всѣхъ „мыслящихъ реалистовъ“ шестидесятихъ годовъ. Совершенно одинаково съ Базаровымъ смотреть

на этотъ вопросъ его сотоварищъ и современникъ Череванинъ, изъ романа „Молотовъ“ Помяловскаго (1861 г.), только Череванинъ стоитъ немного ближе къ нигилизму, чѣмъ Базаровъ. Его „кладбищенство“ есть безнадежный и безконечный пессимизмъ (который, къ слову сказать, вовсе не составлялъ главной стороны нигилизма; напротивъ того); кладбищенство это—полное отсутствіе не только положительнаго, но и отрицательнаго, полное безразличіе, „нравственная торичелліева пустота“. Кладбищенство составляетъ какъ бы переходную ступень отъ мыслящихъ реалистовъ къ нигилистамъ; и вотъ представитель его, Череванинъ, уже съ большей дозой эгоизма, чѣмъ Базаровъ, почти дословно повторяетъ его мысль: „о комъ же заботиться; для кого хлопотать? Ужъ не для будущаго ли поколѣнія трудиться?.. Вотъ еще діалектическій фокусъ, пунктъ помѣшательства, благодущная дичь! Часто отъ лучшихъ людей слышишь, что они работаютъ для будущаго,—вотъ странность то! Въдъ насъ тогда не будетъ?“ („Молотовъ“, стр. 189). Все это—знакомые мотивы; не то ли же самое немного другими словами сказалъ Герценъ, негодуя противъ понятія прогресса какъ цѣли? Мы видѣли, какъ онъ возмущался фарисейскимъ утѣшеніемъ, что мы работаемъ для грядущихъ поколѣній; онъ не хотѣлъ быть кирпичемъ хрустальнаго дворца будущаго, бурлакомъ, тянущимъ барку прогресса. Онъ хотѣлъ жизни на свой пай и за свой счетъ; Базаровы и Череванины, почти буквально повторяя его слова, высказали этимъ и свой индивидуализмъ, родственнй герценовскому.

Не будемъ останавливаться на Лопуховыхъ и Кирсановыхъ, этихъ величайшихъ „идеалистахъ“, считающихъ общій идеалъ такъ же невозможнымъ, какъ общія очки; этихъ „эгоистовъ“, самоотверженно жертвующихъ собою и утверждающихъ, что жертва—это сапоги въ смятку: мы уже видѣли, какъ запуталъ этотъ клубокъ противорѣчій Писаревъ, быть можетъ, являющійся наиболѣе типичнымъ мыслящимъ реалистомъ своего времени; однако Писаревъ никогда не былъ послѣдователемъ „писаревщины“, хотя и былъ ея невольнымъ родоначальникомъ. Путеводная нить, данная имъ въ руки мыслящихъ реалистовъ, привела ихъ къ самому безбрежному нигилизму, на этотъ разъ вполне заслуживающему такого имени. Нигилисты пришли на смѣну мыслящему реализму и опошлили, загрязнили тѣ истины и положенія, до которыхъ съ такой тяжелой внутренней работой дошли реалисты. Превосходно вскрываетъ эту разницу между реализмомъ и нигилизмомъ одинъ изъ представителей перваго и непримиримый врагъ втораго—Михайловскій, переработавшій въ

себѣ въ эпоху своей юности всѣ тяжелые вопросы реализма и вышедшій въ семидесятыхъ годахъ на новую, самостоятельную дорогу. Реализмъ, говоритъ онъ (въ своей интереснѣйшей статьѣ „Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ“, 1873 г.), клалъ въ свое основаніе рядъ „низкихъ истинъ“, формулируя ихъ иногда преднамѣренно грубо; это было реакціей „возвышающему обману“ идеализма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ о личности идеализмъ требовалъ жертвы: „отцы наши много, слишкомъ много толковали о величїи и необходимости жертвъ, о жертвахъ Богу, отечеству, народу, любящему человѣку и проч., и проч.; это были лживыя рѣчи, насъ возвышающій обманъ“, въ противовѣсъ которому реалисты выдвинули насмѣшливую формулу— „жертва есть сапоги въ смятку“: это была „низкая истина“, но, конечно, далеко не вся истина. Реалисты считали эгоизмъ основаніемъ морали, а потому и жертву считали фикціей; но „мы упустили изъ виду, — продолжаетъ Михайловскій, — что, во-первыхъ, расширеніе личнаго я до степени самоотверженія, до возможности переживать чужую жизнь столь же реально, какъ и самый грубый эгоизмъ; и что, во-вторыхъ, формула: жертва есть сапоги въ смятку, не покрываетъ нашего психическаго содержанія, ибо болѣе, чѣмъ когда-нибудь, мы были готовы приносить всевозможныя жертвы“. Въ этомъ расхожденіи теорїи съ практикой и заключалась вся трагедія мыслящаго реализма, заключившаго свое міровоззрѣніе въ формулахъ, которыя были уже его самого. Любовь исчерпывается половымъ влеченіемъ; жертва есть сапоги въ смятку; нравственно все, что естественно; человѣкъ есть рабъ обстоятельствъ; наука должна служить исключительно практическимъ цѣлямъ; законы исторїи непреоборимы— вотъ рядъ такихъ узкихъ формулъ, въ которыя реалисты тщетно старались заключить свое міровоззрѣніе: оно было шире этихъ формулъ, и такая двойственность приводила реалистовъ къ борьбѣ, къ страданіямъ, къ нравственной ломкѣ. Они много перестрадали и этимъ искупили свою односторонность.

Но вотъ на смѣну мыслящимъ реалистамъ, людямъ безусловно широкимъ по своимъ стремленіямъ, пришли эпигоны шестидесятыхъ годовъ, нигилисты. Оговариваемся, что Михайловскій не употребляетъ этихъ терминовъ, но это не мѣняетъ смысла его дальнѣйшей тирады, которую мы просимъ позволенія привести цѣликомъ. Итакъ, „пришли люди, не мучившіеся надъ выработкой (грубыхъ формулъ), не знающіе ихъ цѣны, не имѣющіе той внутренней гарантіи, которая не допускала бы практическаго паденія, несмотря на односторонность

теоретическихъ положеній. Пришли эти люди и подобрали наши краткія и ясныя формулы и пустили ихъ въ обороть... Боже, что они изъ нихъ сдѣлали! Пришли люди и сказали: мы люди трезвые, плюемъ на всякій идеализмъ, держимся строгихъ предписаній науки и реальной философіи. Мы реалисты, а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма нравственно то, что естественно, то мы, повинуваясь естественной борьбѣ за существованіе, признаемъ нравственнымъ давить слабыхъ и неприспособленныхъ. Мы реалисты, а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма жертва есть сапоги въ смятку, то мы живемъ единственно ради своей собственной утробы... Мы реалисты, а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма наука должна служить практикѣ и сама по себѣ цѣны не имѣетъ, то мы пускаемъ ее въ ходъ для обдѣлыванія своихъ практическихъ дѣлишекъ... И т. д., и т. д., и т. д. Словомъ, пришлые люди, подобравъ наши краткія и ясныя формулы, уединивъ ихъ отъ процесса ихъ выработки, навѣсили на нихъ всевозможныя грязныя поползновенія, всяческую низость... И эти пришлые люди лягають еще вдобавокъ время отъ времени тѣхъ, кто оставилъ имъ въ наслѣдство краткія и ясныя формулы! Впрочемъ, въ тысячу разъ горше слышать, когда они пятнають ихъ своимъ почтеніемъ "... (Собр. сочин.; IV, 38—41).

Это великолѣпно и глубоко вѣрно сказано: ярче и вѣрнѣе нельзя было отбѣнить разницу между мыслящими реалистами и нигилистами. Въ вышеуказанномъ пониманіи нигилизмъ есть типичный анти-индивидуализмъ, ибо типичный эгоизмъ; поэтому нигилизмъ является не индивидуализмомъ, а очевиднымъ радикальнымъ мѣщанствомъ, исключаяющимъ нигилистовъ изъ группы интеллигенціи. Изъ личности нигилисты сдѣлали себѣ фетиша, но личность для нихъ имѣла значеніе только узкаго, эгоистическаго „я“. Изъ одностороннихъ и только условно вѣрныхъ формулъ реализма они выкроили себѣ узкое, мѣщанское міровоззрѣніе, не скрашенное тайными, скрытыми идеалами, какъ это было у реалистовъ. Отъ идеализма черезъ реализмъ русская мысль перешла къ идолопоклонству передъ мертвыми и узкими формулами: этимъ и закончились шестидесятыя годы. Нигилизмъ былъ *reductio ad absurdum* всѣхъ крайностей ультраиндивидуализма Писарева и „Русскаго Слова“; дойдя до конца этого тупика, пришлось вернуться назадъ, чтобы выйти на новую, болѣе вѣрную дорогу. Ее указали критическіе народники въ семидесятыхъ годахъ, главнымъ образомъ Михайловскій, такъ рѣзко возставшій противъ нигилизма; еще раньше возсталъ противъ нихъ Герценъ, чуткій индивидуализмъ котораго не могъ вынести радикальнаго ниги-

листического мѣщанства. Съ этимъ поколѣніемъ нигилистовъ онъ близко познакомился послѣ 1864 года въ Женевѣ и достаточно ясно оцѣнилъ всю ихъ узость, все ихъ мѣщанство: не даромъ онъ въ одномъ мѣстѣ мѣтко называетъ ихъ „Собакевичами нигилизма“.

Нигилизмомъ закончились шестидесятыя годы; познакомившись съ нимъ, мы можемъ теперь подвести итоги этой не въ мѣру растянувшейся главы. Заключительные выводы могутъ быть отмѣчены въ немногихъ словахъ. Мы видѣли, прежде всего, что стихійный потокъ шестидесятихъ годовъ смылъ систему официальнаго мѣщанства, а съ нею вмѣстѣ и державшееся за нее мѣщанство этическое. Въ русскую жизнь „разночинецъ пришелъ“, и русская интеллигенція, сдѣлавшись окончательно внѣсословной и внѣклассовой, продолжала борьбу за интересы человѣческой личности подъ знаменемъ социализма, водруженнымъ еще Бѣлинскимъ и Герценомъ, но твердо укрѣпленнымъ въ русской почвѣ только Чернышевскимъ. Міровоззрѣнія Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева рельефнѣе всего характеризуютъ собою эпоху шестидесятихъ годовъ и яснѣе всего вскрываютъ коренную ошибку этой эпохи. *Непримиримое противорѣчіе между социологическимъ индивидуализмомъ и этическимъ анти-индивидуализмомъ—центральная ошибка міровоззрѣній эпохи шестидесятихъ годовъ*, ошибка, усугублявшаяся еще болѣе намѣренно подчеркнутымъ эстетическимъ анти-индивидуализмомъ (особенно у Писарева). Это противорѣчіе, встрѣчавшееся ранѣе у Пушкина, Лермонтова и Бѣлинскаго, можно назвать своего рода „парадоксомъ эпохи шестидесятихъ годовъ“. Утверждать, подобно Писареву, что дальше самоцѣльности человѣческой личности еще ничего не видно въ процессѣ историческаго развитія, или, подобно Чернышевскому, что выше человѣческой личности нѣтъ на земномъ шарѣ ничего, и въ то же время подчинять эту человѣческую личность и самоцѣльность челоѵка принципу пользы,—это значило высказывать тотъ самый парадоксъ, который послужилъ ферментомъ разложенія міровоззрѣнію шестидесятихъ годовъ; разложеніе это мы видѣли въ писаревщинѣ, въ нигилизмѣ. Семидесятымъ годамъ предстояло вскрыть ошибку этого парадокса и развить до высочайшей степени принципы и этическаго и социологическаго индивидуализма; исполненіе этой задачи выпало на долю Михайловскаго, Толстого и Достоевскаго, въ произведеніяхъ которыхъ русская общественная мысль достигла апогея развитія въ XIX вѣкѣ и наибольшей широты и глубины проникновенія принципами индивидуализма, социологическаго и этическаго.

Мы должны помнить, однако, что семидесятники строились уже не въ пустынь, а потому и избѣжали той напрасной траты силъ, тѣхъ блужданій и скитаній, которыя были удѣломъ поколѣнія шестидесятыхъ годовъ и которыя привели это поколѣніе къ идейному банкротству въ писаревщинѣ; семидесятники имѣли передъ собою міровоззрѣнія такихъ титановъ русской общественной мысли, какими были Герценъ и Чернышевскій, и имъ оставалось только (но какъ трудно было это „только“!) выбросить изъ этихъ міровоззрѣній погубившіе ихъ элементы, а изъ оставшихся кирпичей выстроить новое, гармоничное міровоззрѣніе, по плану, намѣченному уже и Герценомъ и Чернышевскимъ. Новые кадры интеллигенціи, необходимые для осуществленія этой работы, были образованы еще въ шестидесятыхъ годахъ и главнымъ образомъ Писаревымъ. Отмѣтимъ здѣсь, что Писаревъ можетъ быть названъ Карамзинымъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, аналогія между ними полная по ихъ значенію въ исторіи русской интеллигенціи: оба они знаменуютъ собою шагъ назадъ въ развитіи русской общественной мысли, одинъ—по сравненію съ Радищевымъ, другой—по сравненію съ Чернышевскимъ, оба они сыграли выдающуюся роль въ дѣлѣ созданія новыхъ кадровъ русской интеллигенціи. Мы увидимъ, какъ писаревская теорія „кружковщины“ привела, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, къ призыву Лаврова о самоорганизациі интеллигенціи.

Заканчивая этимъ наше знакомство съ эпохой шестидесятыхъ годовъ, мы хотимъ теперь подчеркнуть еще разъ, что центральной фигурой этой эпохи является, конечно, Чернышевскій, этотъ отецъ русскаго социализма, этотъ дѣйствительно „великій русскій ученый“ (слова Маркса). Добролюбовъ и Писаревъ по сравненію съ нимъ отходятъ на второй планъ; ихъ вліяніе на современную имъ интеллигенцію было громадно, свое значеніе оно сохранило и до настоящаго дня (вѣдь всѣ мы прошли черезъ Писарева и черезъ Добролюбова), но нельзя и сравнивать ихъ значенія со значеніемъ Чернышевскаго въ исторіи развитія міровоззрѣній, въ исторіи развитія русской творческой мысли. Одинъ Чернышевскій—это цѣлая эпоха, и именно эпоха шестидесятыхъ годовъ.

ГЛАВА II.

Семидесятыя годы.

Лавровъ.

Шестидесятыя годы родились подъ счастливой звѣздой: имъ суждено было быть отмѣченными величайшей соціальной реформой XIX-го вѣка. И однако, какъ будто въ опроверженіе извѣстнаго присловія, что только „злое злымъ скончается“, а „доброму началу и конецъ бываетъ добръ“, — оказалось какъ-разъ наоборотъ: конецъ шестидесятыхъ годовъ не можетъ быть помянутъ добромъ. Вторая половина шестидесятыхъ годовъ — это воистину сумбурная эпоха, это періодъ растерянности и разбросанности русской интеллигенціи, скитаніе безъ руля и безъ вѣтриль, періодъ неустановившагося равновѣсія той массы, которая образовала новые кадры русской интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ. Типичнымъ представителемъ этой эпохи былъ, какъ мы видѣли, Писаревъ; писаревщина и нигилизмъ — главнѣйшее содержаніе исторіи русской интеллигенціи этой эпохи: ея наиболѣе очевидный результатъ — полное банкротство въ дѣлѣ разрѣшенія основныхъ проблемъ міровоззрѣнія, въ томъ числѣ и проблемы индивидуализма. Насколько двинулъ впередъ отъ Герцена рѣшеніе этой проблемы Чернышевскій, настолько же отодвинула его назадъ писаревщина, завершившая собою шестидесятыя годы и вызвавшая рѣзкое противодѣйствіе семидесятыхъ годовъ.

Духъ животворить, а буква мертвить. Писаревъ держался (въ 1861—1862 г.) ультра-индивидуалистическихъ воззрѣній, отрицалъ идеаль, отрицалъ теоріи, убѣжденія — и все-таки всѣ его произведенія проникнуты духомъ жизни, каковы бы ни были ихъ взаимныя противорѣчія. Писаревщина постаралась заглушевать всѣ противорѣчія и строго держаться взглядовъ Писарева, но такое поработченіе

идеи буквѣ оказалось фатальнымъ. Чѣмъ-то гнилымъ, затхлымъ, мертвымъ вѣтъ отъ писаревщины, которая одна заслуживаетъ названія нигилизма.

Писаревщина была ультра-индивидуалистична, это было буквальное послѣдованіе первому періоду возрѣній Писарева. Жизнь есть процессъ, и только процессъ, а потому долой теоріи, долой идеалы—вотъ основное положеніе писаревщины. Отсюда слѣдовало признаніе только интересовъ личности и эгоистическая теорія само-совершенствованія: личность должна развиваться для себя, и достигнутое такимъ путемъ самосовершенствованіе само собой рѣшить всякій соціальныи вопросъ; примать индивидуальной нравственности надъ соціальными идеалами былъ поставленъ во главу угла. Девизомъ литературы было въ то время сокращеніе всѣхъ статей общественнаго бюджета въ пользу личнаго совершенствованія мыслящаго пролетаріата—такъ характеризуетъ писаревщину одинъ изъ ея адептовъ, позже—одинъ изъ столповъ критической мысли семидесятыхъ годовъ, Михайловскій. „Какъ *мнѣ* жить свято?“ — вотъ что было тогда центральнымъ вопросомъ въ лучшей части послѣдователей писаревщины; на этой почвѣ создался и типъ мыслящаго реалиста. При дальнѣйшей эволюціи писаревщины появились „пришлые люди“, не перестрадавшіе въ себѣ всѣхъ формулъ, выработанныхъ мыслящимъ пролетаріатомъ, а принявшіе ихъ догматично и обратившіе вниманіе не на духъ и смыслъ этихъ формулъ, а на ихъ букву. Жизнь есть процессъ, и только процессъ — итакъ, давайте ѣсть, пить и веселиться; долой теоріи—слѣдовательно, будемъ поступать вездѣ и всегда какъ намъ заблагоразсудится; долой идеалы — значить, не будемъ мѣшаться въ общественныя дѣла, стремясь къ соціальному идеалу, было бы лишь намъ хорошо (см. Михайловскій, Собр. сочин.; I, 817—819; IV, 35—41 и др.). Такъ говорили, какъ мы знаемъ, эти эпигоны писаревщины, истинные представители нигилизма во всемъ его расцвѣтѣ, истинные мѣщане радикализма, вызвавшіе снова анти-мѣщанскую реакцію семидесятыхъ годовъ. Но даже и лучше изъ послѣдователей писаревщины, искренніе и честные люди, рѣшавшіе вопросъ о томъ, „какъ жить свято“, стояли очевидно на ложномъ пути личнаго самосовершенствованія; лучше изъ нихъ поняли наконецъ, что „этотъ путь ведетъ въ глухой переулочекъ“ (Михайловскій). Съ этого сознанія начались семидесятые годы.

Семидесятые годы были реакціей писаревщинѣ и съ другой, діаметрально противоположной стороны, со стороны ея величайшаго

анти-индивидуализма. Какъ это ни странно, но ультра-индивидуализмъ совмѣщался въ писаревщинѣ съ анти-индивидуализмомъ самой рѣзкой окраски. Какъ извѣстно еще Писаревъ началъ проповѣдь въ пользу исключительнаго занятія естественными науками, и дошелъ на этомъ пути до того, что рекомендовалъ Щедрина заняться популяризацией естествознанія... Къ тому времени подоспѣлъ дарвинизмъ, и писаревщина немедленно же воспріяла эту теорію; впрочемъ для писаревщины дарвинизмъ былъ не теоріей, а твердо установленнымъ, реальнымъ фактомъ науки. Въ этомъ, конечно, не было бѣды, пока изъ дарвинизма не начали дѣлать этическихъ и соціологическихъ выводовъ, а дѣлать эти выводы писаревщина начала очень скоро. Первый выводъ: человекъ есть животное; это въ сущности варьяція на тему „жизнь есть процессъ и только процессъ“; мы уже видѣли къ чему пришелъ нигилизмъ, развивая дальше это положеніе. Второй выводъ былъ гораздо важнѣе и гораздо опаснѣе перваго и заключался онъ въ приложеніи дарвинизма къ соціологіи: борьба за существованіе — основной законъ органическаго міра; выживаютъ наиболѣе сильные, для вящаго усиленія вида, а слабые обречены на гибель; дѣнно и важно торжество вида, индивидъ же есть величина не заслуживающая вниманія. Все это проповѣдывалось на рубежѣ между шестидесятыми и семидесятыми годами послѣдователями писаревщины и примѣнялось буквально къ виду homo sapiens. И такая крайняя анти-индивидуалистическая теорія совпадала по времени съ ультра-индивидуалистической теоріей самосовершенствованія! Это было окончательнымъ слѣдствіемъ путаницы понятій конца шестидесятыхъ годовъ, и семидесятымъ годамъ предстояло разрѣшить всѣ такіа противорѣчія.

Въ общемъ, несмотря на индивидуализмъ Писарева и ультра-индивидуализмъ писаревщины, главнымъ признаніемъ въ то время пользовались анти-индивидуалистическія стороны теоріи. Имя Писарева было связано съ теоріей „общей пользы“ и съ разрушеніемъ эстетики; писаревщина въ своей „кружковщинѣ“ проповѣдывала самосовершенствованіе, а въ литературѣ выступала съ проповѣдью приложенія началъ дарвинизма къ соціологіи; знаменитый въ то время alter ego Писарева, В. Зайцевъ доказывалъ, что прогрессъ характеризуется убываніемъ вѣса и значенія личности и нарастаніемъ вѣса и значенія массъ (см. „Русское Слово“ 1865 г., № 1, стр. 77; положеніе Зайцева заимствовано имъ у Дж. Ст. Милля). Общее впечатлѣніе оставалось поэтому такое, какъ будто главной цѣлью этихъ теорій было возвеличеніе „человѣка“ въ ущербъ „лич-

ности"; особенно чувствовали это бывшие сподвижники Бѣлинскаго и Герцена, вѣрные рыцари индивидуализма. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ это особенно ясно выразилъ Кавелинъ, съ которымъ намъ приходится встрѣтиться въ третій и послѣдній разъ. Убѣжденный индивидуалистъ, талантливый авторъ „Взгляда на юридическій бытъ древней Россіи“ выступилъ на этотъ разъ съ „Задачами психологіи“ (1872). Мы не можемъ останавливаться на подробностяхъ и частностяхъ этой специальной работы, но Кавелинъ самъ выразилъ ея основную мысль въ предисловіи и въ посвященіи памяти Грановскаго. Именно, Кавелинъ указываетъ, что цѣль этой его работы та же самая, что и его статьи 1847 г. о бытѣ древней Россіи: тамъ онъ указывалъ на юридическое и политическое ничтожество у насъ личности, здѣсь — указываетъ на нравственное ея ничтожество; происходящее отъ ошибочнаго пониманія психической жизни индивидуума и невѣрнаго отношенія къ вѣшнему міру. Эпоху конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ Кавелинъ называетъ „нравственно растрѣпанной“ (очевидно, рѣчь идетъ о писаревщинѣ и нигилизмѣ), а причину этого растрѣпанія видитъ въ томъ, что „весь интересъ мысли перенесенъ въ наше время съ индивидуальности на общество; лицо отодвинуто съ перваго плана на послѣдній... Характеръ и направленіе современныхъ воззрѣній не только выражаютъ ничтожество лица, но и возводятъ его въ принципъ, въ теорію“... (этими словами Кавелинъ намекаетъ на увлеченіе Дарвиномъ, а еще ранѣе того — Боклемъ). Такое оскудѣніе индивидуальности ведетъ за собой прежде всего упадокъ философіи — „умозрѣніе — бранное слово“, — отрицаніе свободы воли, детерминизмъ (впрочемъ Кавелинъ смѣшиваетъ его съ фатализмомъ). А все это въ свою очередь приводитъ къ тому, что „личность, какъ нравственный дѣятель, сходитъ, если уже не сошла, со сцены“. Единственный исходъ Кавелинъ видитъ въ интенсивномъ развитіи философіи и психологіи: это поставить индивидуальность опять въ центрѣ міра, ибо всѣ увидятъ и вспомнятъ, что „безъ психической жизни нѣтъ науки, нѣтъ и личности; знаніе возникаетъ изъ человѣка, въ немъ и для него существуетъ“. Въ этомъ и „Задачи психологіи“, поставленные себѣ Кавелинымъ („Собр. сочин.“; III, 375, 379, 383, 385, 388, 613 и др.). Небезинтересно будетъ прибавить къ этому, что исконный противникъ Кавелина, Ю. Самаринъ, вполне согласился съ такою, по его выраженію, теоріей „оскудѣнія или исхуданія личности“, хотя и оговорился, что по его мнѣнію Кавелинъ вмѣсто рецепта предлагаетъ отраву —

абсолютныя нормы философіи; здѣсь Ю. Самаринъ не безъ ироніи намекаетъ на то, что эти абсолютныя нормы Кавелинъ отрицалъ въ спорѣ съ нимъ въ 1847 г.

Какъ бы то ни было, но семидесятымъ годамъ предстояла трудная задача разобраться во всѣхъ противорѣчіяхъ шестидесятниковъ и ихъ эпигоновъ въ родѣ писаревцевъ. Экономическія воззрѣнія Чернышевскаго и его соціальныя теоріи—съ одной стороны; разрушеніе эстетики Писаревымъ и его очевидныя симпатіи къ личности—съ другой; затѣмъ теоріи самосовершенствованія и вопросы о томъ, „какъ жить свято“ писаревцевъ; наконецъ ихъ же стремленіе переложить дарвинизмъ въ социологію и окончательно подчинить интересы индивида благу вида—вотъ въ короткой схемѣ весь тотъ сложный узелъ вопросовъ, который надо было распутать семидесятымъ годамъ. Узелъ этотъ отчасти распуталъ, отчасти разрубилъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ семидесятниковъ, талантливѣйшій преемникъ публицистовъ шестидесятыхъ годовъ, Михайловскій. О немъ рѣчь будетъ ниже; теперь мы только въ общихъ чертахъ остановимся на томъ, какъ разрѣшили семидесятые годы рядъ вопросовъ, поставленныхъ предыдущимъ десятилѣтіемъ.

Прежде всего семидесятники свергли съ себя иго писаревщины и возстановили въ прежнемъ значеніи старыя слова: убѣжденія, теоріи, идеалы. Долой теоріи и идеалы! — упорно повторяли писаревцы; „читатель, зажмите ротъ тому, кто вамъ говоритъ это!“ — такъ отвѣтили семидесятники (Михайловскій, I, 644) и доказали, что безъ прочнаго теоретическаго базиса нѣтъ возможности плодотворно „дѣлать дѣло“. Прежде и впереди всего должно ставить цѣльную, гармоническую теорію, разработанное мировоззрѣніе, безъ котораго вы запутаетесь въ самыхъ несложныхъ практическихъ вопросахъ; „добывайте же себѣ этотъ базисъ, добывайте во что бы то ни стало и прежде всего“... (Ibid.). А изъ такого признанія теоріи неизбѣжно вытекала и необходимость цѣли, „общаго идеала“: только идеаль можетъ дать обоснованіе реальному и плодотворному труду. Писаревщина, отрицая цѣль и идеалы, вмѣсто нихъ преклонила предъ идолами, и этими идолами для нея были тѣ узкія формулы и девизы, которые она возвела въ принципы и которымъ слѣдовала буквально. Возстановивъ значеніе теоріи и идеала, семидесятники направили свои удары противъ теоріи самосовершенствованія, которая безсильна разрѣшить вопросъ о личности и обществѣ, являясь только ультра-индивидуалистическимъ мѣщанствомъ. Стремленіе къ личному совершенству—и это доказали семидесятники — никоимъ образомъ

не въ состояніи разрѣшить вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ, и не такимъ путемъ можно уплатить народу тотъ долгъ, о которомъ говорилъ еще Писаревъ (въ „Реалистахъ“). Признаніе этого долга — это основная мысль семидесятыхъ годовъ; попытка отыскать способъ выплатить его — въ этомъ вся задача, въ этомъ узелъ вопроса. Семидесятники разрубили этотъ узелъ, *отождествивъ интересы личности и народа*; въ слѣдствіи намъ придется подробно остановиться на этой формулѣ, которая одновременно и высоко ставила личность и признавала права общества: въ этой формулѣ — наиболѣе законченая, наиболѣе замѣчательная попытка рѣшенія проблемы индивидуализма во всей русской литературѣ XIX вѣка. „Мы, интеллигенція, — говорили семидесятники, — представители индивидуализма, народъ — представитель коллективизма. Мы изображаемъ собою личное Я, народъ — Я общественное. Въ сущности это два полюса противоположныхъ міровоззрѣній, которые должны быть изслѣдованы, изучены, установлены и затѣмъ соглашены, какъ общій, основной и единый руководящій общественный принципъ“ (Шелгуновъ, „Новый отвѣтъ на старый вопросъ“, 1868 г.). Приведенная выше формула, данная Михайловскимъ, и есть именно попытка такого синтеза и соглашенія, попытка въ своемъ родѣ единственная и во всякомъ случаѣ незаимствованная изъ европейской соціологической литературы.

При этой попыткѣ синтеза семидесятники одинаково сурово отнеслись и къ ультра-индивидуализму теоріи самосовершенствованія, и къ анти-индивидуализму соціологическихъ обобщеній дарвинизма. Какимъ образомъ писаревщина могла соединять въ себѣ эти два противорѣчія — было объяснено тѣми же семидесятниками (см., напр., Михайловскій, IV, 63 и сл.): у писаревцевъ умъ былъ не въ ладу съ сердцемъ. Доводы соціологическаго дарвинизма казались имъ неопровержимыми, а внутреннее чувство тянуло ихъ къ личному совершенствованію и къ признанію верховенства личности надъ обществомъ. Нанеся ударъ теоріи самосовершенствованія, семидесятники не оставили въ сторонѣ соціологическій дарвинизмъ: мы увидимъ, какъ Михайловскій направилъ всѣ удары на эту крайне анти-индивидуалистическую теорію.

Еще два слова объ отношеніи семидесятыхъ годовъ къ эстетикѣ и мы закончимъ общій очеркъ главныхъ теченій, возстановившихъ забытыя слова и старые идеалы. Семидесятники поняли, что разрушать эстетику значитъ подавлять личность, не принося пользы обществу, и намѣренно создавать между человѣкомъ и лич-

ностью искусственныя препятствія и противорѣчія. „Да и зачѣмъ тутъ противорѣчіе? Развѣ нельзя служить истинѣ и справедливости и въ то же время любоваться красотой звѣздъ и цвѣтовъ, искать женской ласки? „*Пусть все живое живетъ и пусть во всю живетъ*“ (Михайловскій; VI, 616). Въ подчеркнутыхъ нами словахъ—девизъ семидесятниковъ, одна изъ главныхъ сторонъ ихъ міровоззрѣнія—ихъ убѣжденный, яркій индивидуализмъ, неизбѣжно заставившій ихъ признать законность, болѣе того — желательность и необходимость эстетики вообще. Какъ они относились къ искусству, главнымъ образомъ чистому искусству—это уже другой вопросъ; пока важно то, что они разрушили послѣдняго идола, поставленнаго шестидесятниками, и вновь возстановили эстетику въ ея значеніи.

Таково было въ самыхъ общихъ чертахъ міровоззрѣніе семидесятыхъ годовъ, на которомъ мы остановимся особенно подробно; но прежде чѣмъ перейти къ нему, мы сперва коснемся внѣшней стороны исторіи русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, поскольку это намъ необходимо для дальнѣйшаго изученія исторіи русской общественной мысли.

Реакціонная правительственная политика второй половины шестидесятыхъ годовъ получила первое предостереженіе 4 апрѣля 1866 года (выстрѣлъ Каракозова); этотъ выстрѣлъ и послѣдовавшій въ отвѣтъ на него знаменитый рескриптъ отъ 13 мая того же года ознаменовали собой поворотный пунктъ и въ общественной и въ правительственной тактикѣ. Правительство рѣшительно и безповоротно вступило на путь репрессій и борьбы пушками противъ идей; общество окончательно убѣдилось въ беспочвенности всякихъ благонамѣренно-либеральныхъ мечтаній и не менѣе рѣшительно вступило на путь борьбы идеями противъ пушекъ. Недоставало только общепризнаннаго знамени, которое бы сплотило вокругъ себя одушевленные желаніемъ побѣды массы русской интеллигенціи; вскорѣ такое знамя явилось, и мы увидимъ, что знаменосцемъ былъ Лавровъ, но это случилось уже около 1870 года; одновременно съ этимъ другое знамя поднялъ Бакунинъ—и первая половина семидесятыхъ годовъ (приблизительно до 1878 г.) ознаменовалась работой бакунистовъ и лавристовъ.

Коммунистическій анархизмъ Бакунина—это именно та „проселочная дорога“ русскаго самосознанія, та отдѣлившаяся отъ главнаго ствола вѣтвь, которой мы пока не можемъ удѣлить много вниманія. Интересно, что анархизмъ, этотъ типичный соціологическій ультра-индивидуализмъ, никогда не былъ особенно популяренъ среди

русской интеллигенціи, хотя, казалось бы, условія русской государственной жизни могли только создать почву чрезвычайно благоприятную для развитія идей анархизма. Протестомъ противъ государственнаго террора эпохи официальнаго мѣщанства была, какъ мы видѣли, славянофильская теорія о Землѣ и Государствѣ, теорія типично анархистская. Бакунинъ, питомецъ той же эпохи официальнаго мѣщанства, былъ прямолинейнѣе и послѣдовательнѣе славянофиловъ и договорилъ ихъ мысль до конца, вывелъ изъ нея всѣ логическія послѣдствія, но не могъ увлечь за собой русскую интеллигенцію. Правда, вліяніе Бакунина было очень сильно въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, но нельзя не указать, что вліяніе это отражалось не столько на программѣ, сколько на тактикѣ бакунистовъ. Укажемъ встать, что въ восьмидесятыхъ годахъ, въ эпоху общественнаго мѣщанства и усилившагося государственнаго гнета, анархизмъ Л. Толстого, какъ теорія, остался гласомъ вопіющаго въ пустынь: толстовство обратило главное вниманіе также на „тактику“ своего учителя, на внѣшнія формальныя стороны его ученія. Въ настоящее время, когда почти всѣ наши политическія партіи произвели подсчетъ своихъ силъ, съ ясностью обнаружилось, что русскій анархизмъ, несмотря на славныя имена его родоначальниковъ — Бакунина, Крапоткина и др., пока есть почти-что *quantité négligeable*... И причина этого для насъ ясна: *мы считаемъ анархизмъ характерно романтической концепціей*. Анархизмъ, выраженный въ реалистическихъ формахъ — неубѣдителенъ и мало доказателенъ; не убѣждая ума, онъ оставляетъ холоднымъ чувство. Иное дѣло анархизмъ, какъ романтическая концепція, на примѣръ, тотъ анархизмъ на религиозной почвѣ, который мы встрѣчаемъ у Достоевскаго: онъ несомнѣнно имѣетъ за собою будущность постольку, поскольку романтизмъ, какъ психологическая категория, присущъ человѣку. Идеалисты конца XIX вѣка, эти русскіе романтики, были вполне послѣдовательны, когда выставили на первый планъ своего міровоззрѣнія „мистическій анархизмъ“, заимствованный отъ Достоевскаго.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь остановиться на развитіи этой мимоходомъ отмѣченной нами мысли, съ которой мы, впрочемъ, еще встрѣтимся, говоря о Достоевскомъ; но, быть можетъ, и сказаннаго выше достаточно для объясненія, почему мы не останавливаемся подробно на Бакунинѣ, который такъ радикально рѣшала проблему о личности и государствѣ. Быть можетъ, также сказанное выше объясняетъ, почему, во-первыхъ, анархизмъ былъ

только „проселочной дорогой“ въ исторіи развитія русской интеллигенціи, и почему, во-вторыхъ, только въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ Бакунинъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на русскую интеллигенцію. Первое очевидно: мы уже знаемъ, что русская интеллигенція XIX-го вѣка принадлежала почти цѣликомъ къ реалистическому типу, и анархизмъ, романтичный *quand même*, не могъ быть ея идеологіей; второе объясняется тѣмъ, что героическая русская интеллигенція первой половины семидесятыхъ годовъ таила въ себѣ и романтическія черты (въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно найти романтическія черточки, напримѣръ, у Рахметова).

Дѣйствительно, если почти вся исторія русской интеллигенціи есть сплошной эпосъ, то въ семидесятыхъ годахъ мы имѣемъ, быть можетъ, кульминаціонную точку его, апогей эпической борьбы русской интеллигенціи съ темными силами. Героическое „хождение въ народъ“ русской интеллигенціи было фактическимъ отвѣтомъ общества вызову правительства въ рескриптѣ отъ 13 мая 1866 г. Бакунисты и лавристы сошлись другъ съ другомъ на этомъ общемъ средствѣ для достиженія различныхъ цѣлей: бунтари бакунисты шли въ народъ для агитаціи, для воздѣйствія на народное „чувство“; культуртрегеры лавристы шли въ народъ для пропаганды, для воздѣйствія на „умъ“ народа. (Умъ или чувство?—на языкѣ русской легальной печати семидесятыхъ годовъ дилемма эта означала собою—пропаганда или агитація? лавризмъ или бакунизмъ?) Разумѣется, и въ томъ и въ другомъ случаѣ конечная цѣль была одна—соціальная революція, такъ что въ сущности разница между бакунистомъ и лавристомъ сводилась на нѣтъ при ихъ совмѣстной дѣятельности въ народѣ: „большинство бунтарей, — сообщаетъ въ своихъ цѣнныхъ „Воспоминаніяхъ“ Дебагорій-Мокріевичъ, — признававшихъ въ теоріи бунтарскую программу, потомъ, когда двинулись въ народъ, на практикѣ своей дѣятельностью нисколько не отличались отъ пропагандистовъ, и подобно имъ занимались распространеніемъ революціонныхъ брошюръ въ народѣ“...

„Хожденіе къ народъ“ — терминъ этотъ принадлежитъ Бакунину. Идти въ народъ надо для агитаціи; надо использовать то революціонное настроеніе, которое, по мнѣнію Бакунина, присуще русскому народу; роль агитатора заключается только въ проясненіи народнаго сознанія, въ организаціи народныхъ силъ. Лавровъ съ своей стороны считалъ хожденіе въ народъ необходимымъ для революціонной пропаганды среди народа; надо создать въ народѣ отнюдь не присущее ему революціонное настроеніе, надо создать въ деревнѣ

кадры сознательныхъ борцовъ за освобожденіе. Надо замѣтить однако, что, говоря объ „освобожденіи“, и Лавровъ, и Бакунины имѣли въ виду не политическій, а социальный переворотъ; и лавристы и бакунины (послѣдніе въ особенности) не только не считали возможной и желательной политическую реформу, хотя бы какъ предисловіе къ социальной, но, наоборотъ, рѣзко противопоставляли социальное политическому. *Приматъ социальнаго надъ политическимъ*—эта мысль, какъ мы увидимъ, характерна для первой половины семидесятыхъ годовъ, для періода „народничества“ въ узкомъ смыслѣ, для періода хожденія въ народъ.

Извѣстно, что хожденіе въ народъ, какъ массовое явленіе, началось около 1872 г. и продолжалось приблизительно шесть лѣтъ. Въ 1874 году правительство учинило страшный разгромъ всѣхъ „деревенщиковъ“ и „троглодитовъ“ (какъ ихъ тогда называли), но это не остановило предпринятаго движенія. Вообще хожденіе въ народъ, какъ массовое явленіе, прекратилось не столько вслѣдствіе репрессивныхъ мѣръ правительства, сколько изъ-за разочарованія въ результатахъ пропаганды и бунтарства. Что дало бунтарство?—наиболѣе крупнымъ его дѣломъ была знаменитая „чигиринщина“, (1877 г.), о которой сами устроители ея вспоминали впоследствии безъ всякаго удовольствія и которая была рѣзко осуждена даже самимъ Бакунинымъ. Что дала пропаганда?—Нельзя, конечно, отрицать ея результатовъ, но нельзя также отрицать и того, что результаты эти были далеко не таковы, какіе ожидались раньше. И это несомнѣнно сильно способствовало охлажденію русской интеллигенціи къ хожденію въ народъ, какъ къ возможному средству побѣды. „Народники“—и бунтари и пропагандисты—думали, что достаточно двухъ-трехъ лѣтъ, или въ крайнемъ случаѣ пяти-шести, чтобы своимъ хожденіемъ въ народъ подвинуть его на социальную революцію или образовать въ немъ солидные революціонные кадры. Такъ, напримѣръ, Лавровъ (уже въ 1875 году) рисовалъ передъ русской интеллигенціей слѣдующую заманчивую картину результатовъ хожденія въ народъ: пусть первоначальная численность революціонной арміи—сто человѣкъ, пусть ежегодно интеллигенція выдѣляетъ изъ своей среды новыхъ сто человѣкъ, пусть изъ нихъ только половина способна посвятить себя хожденію въ народъ. Пусть, далѣе, изъ этой половины три четверти ежегодно будутъ изъяты изъ обращенія попечительнымъ начальствомъ; пусть каждый пропагандистъ изъ интеллигенціи приобретаетъ въ годъ двухъ товарищей изъ народа, а каждый пропагандистъ изъ народа присо-

единить къ себѣ ежегодно шесть человѣкъ, причѣмъ ежегодно гибнетъ ихъ одна восьмая часть. Всѣ эти допущенія оцѣнивають чрезвычайно скромно возможные результаты хожденія въ народъ; но, принявъ эти допущенія, не трудно вычислить вслѣдъ за Лавровымъ, что черезъ шесть лѣтъ послѣ начала хожденія интеллигенціи въ народъ численность революціонной арміи возрастаетъ отъ ста человѣкъ до тридцати шести тысячъ. Пусть ихъ будетъ даже втрое меньше, — допускаетъ Лавровъ, — но „если мы представимъ себѣ послѣ небольшого періода шести лѣтъ 10.000 сознательныхъ руководителей народнаго движенія, которые... окружены несравненно *большимъ* числомъ лицъ, готовыхъ каждую минуту идти за ними, чтобы свалить представителей власти и капитала, то передъ нами такая почтенная революціонная армія, которая въ опредѣленную минуту можетъ дѣйствительно совершить историческое дѣло“...

Прошло шесть лѣтъ послѣ начала массоваго хожденія въ народъ, причѣмъ въ „хожденіи“ этомъ участвовали не десятки интеллигентовъ, какъ предполагалъ Лавровъ, а сотни и тысячи... И однако никакой „революціонной арміи“ не оказалось въ наличности; оказалось зато, что цифры, не опирающіяся на реальность, сами по себѣ, а жизнь — сама по себѣ... Къ 1878 году уже вполне выяснилось разочарованіе интеллигенціи въ возможности вызвать путемъ хожденія въ народъ немедленную *соціальную* революцію; все болѣе и болѣе выяснялась необходимость предварительной борьбы за *политическую* свободу... Начали раздаваться отдѣльные голоса „конституціоналистовъ“, „политиковъ“ (въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ эти наименованія считались насмѣшливыми и оскорбительными); голоса эти, сперва единичные, мало-по-малу становились все громче и слышнѣе.

Уже съ 1876 года Ткачевъ проповѣдывалъ въ своемъ „Набатѣ“ политическую революцію, съ терроромъ въ видѣ оружія борьбы, но голосъ его звучалъ тогда одиноко. Въ томъ же 1876 году возникла организація „Земля и Воля“, объединившая въ себѣ разрозненныя группы народниковъ-бунтарей. Для насъ теперь ясно, что землевольцы, сами того не сознавая, вели съ правительствомъ борьбу прежде всего на политической почвѣ. Когда движеніе въ народъ кончилось внѣшней неудачей, то настала пора признать это безъ обиняковъ; сама жизнь заставила русскую интеллигенцію отвергнуть противопоставленіе соціальнаго политическому, и Михайловскій однимъ изъ первыхъ пришелъ къ идеѣ неразрывности „политики“ и „соціализма“. Вообще, начиная съ 1878 г., русская

интеллигенція быстро приходитъ къ мысли о необходимости борьбы за политическую реформу; этотъ 1878 г. былъ годомъ окончательнаго перелома въ эволюціи русской общественной мысли этой эпохи; съ 1878 года начинается вторая половина семидесятыхъ годовъ, которую характеризуютъ слѣдующія положенія: часть силъ интеллигенціи должна быть удѣлена на политическую борьбу, причѣмъ однако Учредительное Собраніе требуется лишь для проведенія соціальной реформы; средствомъ же для политической борьбы, признательно къ русскимъ условіямъ, признается терроръ.

24 янв. 1878 г. имѣлъ мѣсто первый актъ терроризма (выстрѣлъ Засуличъ), сильно способствовавшій дальнѣйшему развитію общественной мысли въ вышеуказанномъ направленіи. Дѣйствительно, вѣдь терроръ есть характерное оружіе именно политической борьбы; этого не хотѣли признать троглодиты-народники, но вынуждены были смириться передъ очевидностью. „Русская революція—пытались доказывать они—имѣетъ исключительно соціальный характеръ, мы не хотимъ конституціи, она наложитъ только новое ярмо на народъ, а потому мы уклоняемся отъ политической борьбы; убійства же имѣютъ просто характеръ самозащиты“... Михайловскому не стоило никакого труда разбить эту слабую аргументацію, что онъ и сдѣлалъ въ своихъ „Политическихъ письмахъ социалиста“. Терроръ—заявляетъ Михайловскій—есть просто особый родъ политической борьбы, одинаково пригодный и для социалистовъ и для либераловъ, и для революціонеровъ и для реакціонеровъ. „Нѣтъ, ваши убійства не заключаютъ въ себѣ ничего социалистическаго. Это актъ чисто-политической борьбы... Не такія ничтожества, какъ Гейкинъ или Треповъ, мѣшаютъ вашей дѣятельности, а весь русскій политическій строй въ цѣломъ“... (письмо второе; „Народная Воля“ 1879 г., № 3).

„Такъ говорилъ я съ нашими революціонерами много времени тому назадъ“,—прибавляетъ Михайловскій; и такіе взгляды, считавшіеся раньше еретическими и возбуждавшіе насмѣшки, дѣлаются теперь, около 1878 г., все болѣе и болѣе признаваемыми. Правда, осталась непримиримая кучка народниковъ-бунтарей, но она таяла съ каждымъ днемъ; и хотя на почвѣ этого спора совершилось распадѣніе „Земли и Воли“, однако послѣ этого распадѣнія всѣ крупныя силы сконцентрировались вокругъ „Народной Воли“, идеологомъ которой, хотя и не официальнымъ, былъ Михайловскій.

О распадѣніи „Земли и Воли“ на „Народную Волю“ и „Черный Передѣлъ“ намъ придется еще говорить впоследствии (см. ниже, гл. VI); теперь укажемъ только, что распадѣніе это совершилось

на знаменитомъ липецко-воронежскомъ създѣ 1879 г. Характеризуя задачи, поставленныя на липецкомъ създѣ, Желябовъ указываетъ: „основное убѣжденіе было такое, что социальнореволюціонная партія..... должна удѣлить часть своихъ силъ на политическую борьбу“... Не прошло и года послѣ липецко-воронежскаго създа, какъ уже многіе убѣжденные бунтари-народники всецѣло присоединились къ точкѣ зрѣнія „Народной Воли“ и, быть можетъ, даже чрезмѣрно перегнули свое мировоззрѣніе въ противоположную сторону, замѣнивъ былой приматъ социальнаго надъ политическимъ ярко выраженнымъ приматомъ политическаго надъ социальнымъ. Дебагорій-Мокріевичъ категорически заявлялъ впослѣдствіи, что „еще недавно мы игнорировали политику ради экономики, а теперь мы не можемъ говорить даже объ одновременномъ преслѣдованіи двухъ задачъ... Мы пойдемъ рука объ руку съ либералами, и для насъ будутъ людьми чуждыми всѣ, кто не поставитъ въ своей программѣ на *первый планъ* политической свободы“...

Не надо забывать однако, что для большинства народолюбцевъ политическая свобода была только ближайшей, но отнюдь не конечной цѣлью; иначе говоря, она въ сущности была только средствомъ, временно играющимъ роль цѣли. Желябовъ выразилъ это какъ нельзя яснѣе въ своемъ письмѣ къ Драгоманову черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ липецкаго създа. „Таково положеніе вещей“, — пишетъ Желябовъ, — что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части и требуешь Учредительнаго Собранія“... Въмѣсто былого примата социальнаго надъ политическимъ, народолюбцы провозгласили, какъ видимъ, новый лозунгъ; къ социальному черезъ политическое! и мы уже указывали, что въ этомъ отношеніи Михайловскій былъ яркимъ представителемъ народолюбчества. Начиная съ середины семидесятыхъ годовъ, онъ неустанно требовалъ созыва земскаго собора (понимай: Учредительнаго Собранія), предсказывалъ, что если правительство не созоветъ выборныхъ отъ русской земли, то „въ странѣ долженъ возникнуть *тайный комитетъ общественной безопасности*“... И дѣйствительно, возникъ исполнительный комитетъ партіи Народной Воли... Обращаясь въ другую сторону, въ сторону чуждающихся всякой политики русскихъ социалистовъ, Михайловскій не менѣе энергично требовалъ отъ нихъ признанія необходимости политической борьбы. „Вы боитесь конституціоннаго режима въ

будущемъ, — говорилъ имъ Михайловскій, — потому что онъ принесетъ съ собою ненавистное иго буржуазіи. Оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей... Европейской буржуазіи самодержавіе — помѣха, нашей буржуазіи оно — опора. Въ Европѣ политическая свобода была провозглашена уже послѣ того, какъ сложилось крѣпкое, организованное умственно и матеріально, сильное третье сословіе. Въ этомъ горе Европы и урокъ намъ. У насъ политическая свобода должна быть провозглашена прежде, чѣмъ буржуазія настолько сплотится и окрѣпнетъ, чтобы не нуждаться въ самодержавномъ царѣ и его эманацияхъ... Отстраняясь отъ политической борьбы, задержали ли вы развитіе буржуазіи? Нѣтъ, вы помогли ему, потому что, чѣмъ самодержавнѣе исправникъ, тѣмъ легче кулаку грабить "... (см. цитированныя выше „Политическія письма социалиста“). Вопроса объ отношеніи семидесятыхъ годовъ къ нарождающейся русской буржуазіи мы еще коснемся ниже, теперь же мы только хотѣли подчеркнуть, что народовольцы вообще, а Михайловскій въ частности, еще въ срединѣ семидесятыхъ годовъ твердо установили положеніе о необходимости синтеза „соціализма“ и „политики“. Впослѣдствіи русскіе марксисты девяностыхъ годовъ отождествили социальное съ политическимъ своимъ заявленіемъ, что „всякая классовая борьба есть борьба политическая“; это было выраженіемъ въ новой формѣ стараго народовольческаго положенія — „къ социальному черезъ политическое!“, положенія, на которомъ нѣкогда строилъ свою теорію и замѣчательнѣйшій изъ декабристовъ, Пестель.

Впослѣдствіи мы еще вернемся къ исторіи „Народной Воли“, а теперь только вкратцѣ отмѣтимъ дальнѣйшіе этапные пункты второй половины семидесятыхъ годовъ. 1-ое марта 1881 г. знаменуетъ собою апогей успѣха, достигнутаго народовольцами, и въ то же время начало разложенія этой партіи. Ветераны гибли одинъ за другимъ, а притокъ новыхъ силъ прекращался; наступали „восьмидесятые годы“... Желябовъ какъ-то отмѣтилъ съ обычной ему проницательностью мысли, что революціонеры конца семидесятыхъ годовъ „жили на капиталъ“... Въ 1883-мъ году почти всѣ выдающіеся народовольцы были уже въ рукахъ правительства, которое именно съ 1883-го года придаетъ своей внутренней политикѣ рѣзко-опредѣленный реакціонный курсъ. Отчаянная попытка Германа Лопатина возсоздать „Народную Волю“ не могла увѣнчаться успѣхомъ; еще болѣе можно сказать это о поздаѣйшихъ попыткахъ середины восьмидесятыхъ годовъ. Народовольчество умерло и конецъ его — конецъ семидесятыхъ годовъ.

Отъ исторіи русской интеллигенціи въ семидесятыхъ годахъ вернемся опять къ исторіи русской общественной мысли, отъ группировки партій—къ характеристикѣ міровоззрѣній. Что касается общаго міровоззрѣнія, характернаго для этой эпохи, то ниже мы познакомимся съ теоріями Лаврова и детально разберемъ міровоззрѣніе наиболѣе выдающагося изъ семидесятниковъ—Михайловскаго. Теперь намъ достаточно указать въ самыхъ общихъ чертахъ, что основнымъ міровоззрѣніемъ семидесятыхъ годовъ мы считаемъ именно критическое народничество Михайловскаго, народничество не въ узкомъ смыслѣ „троглодитства“, отмѣченнаго выше, а въ смыслѣ теорій того „русскаго социализма“, родоначальникомъ котораго былъ Герценъ и главнымъ теоретикомъ—Чернышевскій. Мы увидимъ, что, отвергнувъ доктрины конца шестидесятыхъ годовъ, русская интеллигенція снова вернулась къ историко-философскимъ построениямъ Герцена и къ экономическимъ теоріямъ Чернышевскаго; мы увидимъ, какъ мало-по-малу догматико-оптимистическое народничество Герцена замѣнялось пессимистическимъ, но критическимъ народничествомъ семидесятыхъ годовъ; мы увидимъ, наконецъ, какъ въ этомъ критическомъ народничествѣ Михайловскаго „русскій социализмъ“ достигъ своего наиболѣе полнаго развитія и пышнаго расцвѣта, такъ что всѣ другія фракціи народничества, существовавшія въ семидесятыхъ годахъ (народничества не критическаго, принимающаго *мнѣнія* народа во главу угла своего міровоззрѣнія), является уже разложеніемъ народничества. Журналъ „Недѣля“, Юзовъ-Каблицъ, а отчасти Достоевскій и Л. Толстой—все это до нѣкоторой степени эпигоны народничества, которое достигло своего зенита только въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ произведеніяхъ Михайловскаго. Только на этомъ критическомъ народничествѣ мы сосредоточимъ свое вниманіе.

Основное убѣжденіе народничества заключалось, какъ мы знаемъ, въ томъ, что Россія можетъ пойти по своему, особому пути экономическаго развитія, опираясь на общину и на обычное право народа: это центральное положеніе Герцена перешло цѣликомъ и въ критическое народничество, съ той только разницей, что слѣпая вѣра Герцена обратилась въ семидесятыхъ годахъ въ острожно принимаемый научный тезисъ. Критическое народничество питало надежду на возможность особаго пути развитія Россіи, но никогда не возводило эту надежду въ догматъ; чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе и болѣе критически относилось народничество къ этому пункту своей программы. И именно въ этой необходи-

мости своими же руками подрывать одинъ изъ устоевъ своего міровозрѣнія заключалась вся внутренняя трагедія критическаго народничества: община разлагалась и дифференцировалась, и этого не могли не признавать наиболѣе чуткіе изъ народниковъ (Михайловскій, Глѣбъ Успенскій, Салтыковъ). Высшая трагедія народничества была, быть можетъ, еще тяжелѣе внутренней: это было полное непониманіе народомъ задачъ интеллигенціи и не менѣе полная „немыслимость“ для интеллигенціи вѣковой точки зрѣнія русскаго народа. Вслѣдствіе этого героическое „хождение въ народъ“ привело къ самымъ печальнымъ результатамъ и унесло не одну тысячу молодыхъ жизней; трагизмъ положенія русскаго интеллигента, отмѣченный еще Герценомъ, всегда заключался во враждебномъ отношеніи къ нему того самаго народа, за котораго онъ отдавалъ всѣ свои силы и жизнь. Краснорѣчивыми иллюстраціями этого факта могутъ служить рассказы Глѣба Успенскаго (напр., „На травкѣ“, „Богъ грѣхамъ терпитъ“, „Подозрѣваемые“). Почему русская интеллигенція такъ увлекалась героической жертвой себя на благо народа? Это была всеильная реакція писаревщинѣ и теоріямъ мыслящихъ реалистовъ, которые, признавая свой долгъ народу, считали возможнымъ уплатить его личнымъ совершенствованіемъ. „Кающіеся дворяне“ семидесятыхъ годовъ не могли довольствоваться столь малой и легкой уплатой; они отдали всѣхъ себя на непосредственное служеніе тому же народу.

Въ шестидесятыхъ годахъ на арену общественной жизни Россіи „пришелъ разночинецъ“; около того же времени окончательно опредѣлился типъ „кающагося дворянина“, особенно характеризующаго семидесятые годы. Оба эти типа впервые анализированы Михайловскимъ (ему же принадлежатъ и самые термины) и до сихъ поръ еще этотъ анализъ остается непревзойденнымъ по тонкости и силѣ. Что такое кающійся дворянинъ? и когда онъ впервые появился? Въ сущности обозначился этотъ типъ еще въ XVIII столѣтіи. Дѣйствительно, уже въ Радищевѣ мы видѣли глубоко искреннее сознаніе своей вины передъ народомъ: „звѣри алчные, пьявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ?“... И отъ Радищева это теченіе идетъ черезъ Пнина, черезъ декабристовъ, черезъ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ — къ великому дню 19-го февраля 1861 г. До этого дня дворяне — западники, славянофилы, лишніе люди и т. п. — работали во имя освобожденія народа; съ этого дня они стали работать для счастья народа, ибо на вопросъ „народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?“ — не могло быть двухъ

разныхъ отвѣтовъ. Болѣе того, именно послѣ освобожденія народа интеллигентовъ-дворянъ стало особенно мучить сознание угнетенности и приниженности положенія этого народа; виновными въ этомъ они безъ всякаго колебанія признали себя—и началась тяжелая расплата. Тогда и опредѣлился окончательно типъ кающагося дворянина; впервые онъ выразился въ Писаревѣ, а точка зрѣнія кающагося дворянина отразилась въ статьѣ послѣдняго „Реалисты“. Писаревъ образно описываетъ воспитаніе барченка-помѣщика, будущаго кандидата въ кающіеся дворяне. Папаша продаетъ обозы пшеницы и на эти деньги его нѣжный отпрыскъ получаетъ гувернера, книги, глобусы, аспидныя доски, перья, а въ послѣдствіи ежегодно поглощаетъ горы пшеницы, обращенной въ костюмы, въ театральные билеты, въ профессорскія лекціи... Вотъ наконецъ молодой дворянинъ начинаетъ соображать, что каждая четверть пшеницы есть эквивалентъ труда, и труда народнаго; если онъ достаточно развить, то его не минетъ такое разсужденіе: „я взялъ займы чужой трудъ; теперь надо же уплачивать этотъ долгъ“ (Писаревъ; Сочиненія, IV, 121—3). Сознаніе своего дома народу есть первый признакъ кающагося дворянина. Какъ уплатить этотъ долгъ? Мы знаемъ, что на это Писаревъ отвѣчалъ теоріей самосовершенствованія, а семидесятники—теоріей хожденія въ народъ и міровоззрѣніемъ критическаго народничества. Дѣло пока не въ рѣшеніи вопроса, а въ самой его постановкѣ. „Если я, «интеллектуальный» человекъ, созналъ, что интеллектъ мой и всѣ связанныя съ нимъ наслажденія куплены цѣною «пота многихъ», то каково должно быть мое поведеніе?“—вотъ въ чемъ кардинальный вопросъ (Михайловскій, Сочиненія; III, 488).

Семидесятники-практики рѣшали этотъ вопросъ хожденіемъ въ народъ, теоретики—своеобразнымъ и характернымъ построеніемъ міровоззрѣнія. Здѣсь мы пользуемся случаемъ подчеркнуть еще разъ одно изъ основныхъ положеній семидесятыхъ годовъ, заключающееся въ *предпочтительности социальныя реформы передъ политическими*; съ этимъ приматомъ социальныхъ реформъ мы уже встрѣчались у Герцена, такъ что критическое народничество только окончательно формулировало и воплотило носившуюся въ воздухѣ идею. Принятіе такого положенія уже само по себѣ было отчасти уплатой долга кающимся дворяниномъ народу, и въ этой своей части критическое народничество несомнѣнно было идеологіей кающагося дворянства. Конечно, интеллигенція желала и ждала политическихъ реформъ (свободы совѣсти, свободы слова, свободы личности и чело-

вѣка), но *если* эти реформы будутъ служить только благу интеллигенціи, а не народа, то не нужно этихъ реформъ и новыхъ правъ. „Да будутъ они прокляты, *если* они не только не дадутъ намъ возможности расчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ!“ (Ів., I, 869). Крайнее проявленіе этой мысли увѣковѣчилось въ знаменитой и теперь уже затасканной фразѣ: „пусть сѣкутъ! мужика сѣкутъ же“... (см. Ів., IV, 949—952); эта фраза, которую, конечно, только очень неостроумные люди могли понимать буквально, показываетъ, что кающіеся дворяне семидесятыхъ годовъ готовы были отказаться отъ политическихъ реформъ, отъ всякаго увеличенія своихъ правъ, *если* они въ свою очередь увеличатъ долгъ народу. Въ этомъ подчеркнутомъ нами „если“ — вся загадка; дѣйствительно, могутъ ли прогрессивныя политическія реформы отрицательно повліять на социальное положеніе народа и увеличить разнь между нимъ и интеллигенціей? — Болѣе того: могутъ ли социальныя реформы быть выполнены сами по себѣ, независимо отъ реформъ политическихъ? Народники не колеблясь отвѣчали на это утвердительно, и этотъ отвѣтъ — особенно подчеркиваемъ это — былъ неразрывно связанъ съ ихъ вѣрой въ возможность особаго пути развитія Россіи. И въ этомъ опять-таки была тяжелая и горькая ошибка народничества, ибо социальныя реформы могутъ стоять крѣпко только подъ покровомъ реформъ политическихъ, а политическія, въ свою очередь, прочно стоять только на фундаментѣ социальныхъ реформъ.

Эта сторона міровоззрѣнія критическаго народничества — всецѣло дѣло рукъ кающихся дворянъ; разночинцы не могли раздѣлять такой точки зрѣнія. Дѣйствительно, совѣсть разночинца была спокойна, на немъ не лежало никакого долга народу, ему не въ чемъ было каяться. Кающійся дворянинъ испытывалъ „чувство личной отвѣтственности за свое общественное положеніе (Ibid., IV, 279), разночинецъ, наоборотъ, могъ признавать только чувство общественной отвѣтственности за свое личное положеніе. Именно поэтому разночинецъ проклиналъ общественные порядки и условія, исковеркавшіе и изломавшіе его жизнь, и стремился къ ихъ измѣненію; кающійся же дворянинъ сперва обращалъ главное вниманіе на само-совершенствованіе, желая искупить свою вину святостью личной жизни; отсюда и его пренебреженіе къ политическимъ реформамъ („если...“ и т. д.), чего не могло быть въ разночинцѣ. Все это привело къ тому, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ кающіеся дворяне увлеклись теоріями Писарева, который пытался механически соединить основныя точки зрѣнія и кающихся дворянъ и разночин-

цевъ. Но хотя между кающимися дворянами и разночинцами и были точки соприкосновенія, однако, вообще говоря, точки зрѣнія ихъ были глубоко различны. Михайловскій, прошедшій въ шестидесятыхъ годахъ и черезъ идеологію кающихся дворянъ и черезъ писаревщину, высказываетъ, что отъ окончательнаго погруженія въ послѣднюю его (и вообще кающагося дворянина) спасъ разночинецъ. Если кающіеся дворяне поставили во главу угла принципъ о приматѣ социальнаго и о зловредности политическаго, то разночинцы первыми должны были взбунтоваться противъ такой мысли. Они и взбунтовались, и бунтъ этотъ отмѣчаетъ собою границу между двумя половинами семидесятыхъ годовъ. Первая половина семидесятыхъ годовъ отмѣчена вліяніемъ кающагося дворянства: это эпоха хожденія въ народъ, эпоха бунтарства и троглодитства; вторая половина семидесятыхъ годовъ отмѣчена вліяніемъ разночинства: это эпоха политической борьбы, борьбы за свободу. Такая формула, конечно, слишкомъ лапидарна и не можетъ пониматься буквально; надо имѣть въ виду, что кающіеся дворяне пошли рука объ руку съ разночинцами во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ въ области практической работы; въ области же теоріи оба эти теченія сошлись въ критическомъ народничествѣ, такъ какъ *интересы народа* были тѣмъ опорнымъ пунктомъ, на которомъ могли сойтись и разночинецъ и кающійся дворянинъ: „интересы народа стали намъ (т.-е. разночинцамъ и кающимся дворянамъ) дороги по двумъ различнымъ причинамъ: однимъ — по близости къ народу, другимъ — по оторванности отъ него“ (Ibid., III, 772; см. еще II, 623, 647—8, 649; IV, 322; VI, 348 и др.). Оба эти типа создали одно общее мировоззрѣніе, на различныхъ частяхъ котораго легко прослѣдить большее или меньшее вліяніе той или другой стороны; но теперь же необходимо еще разъ подчеркнуть главную разницу между воззрѣніями этихъ двухъ частей интеллигенціи. Дѣло заключается въ ультра-индивидуализмѣ разночинцевъ и въ анти-индивидуализмѣ кающихся дворянъ.

Дѣйствительно, кающихся дворянъ характеризуютъ главнымъ образомъ два принципа: *приматъ социальнаго надъ политическимъ*, а также *приматъ социальнаго надъ индивидуальнымъ*. Послѣднему не противорѣчитъ ихъ постоянное стремленіе къ личному самовершенствованію, которое считалось только средствомъ для скорѣйшей расплаты съ моральными долгами и для достиженія социальнаго идеала. Слишкомъ очевидно, что оба эти примата носятъ вполне анти-индивидуалистическій характеръ: согласно первому примату, этиче-

скія права личности (ибо элементарныя политическія права суть прежде всего этическія, и само право есть *minimum* этики) приносились въ жертву Молоху „общаго блага“, т.-е. соціальнымъ идеаламъ, а согласно второму примату соціальныя идеалы считались главной цѣлью, поставленной передъ индивидуальностью. „Долгъ народу“ стоялъ впереди всего и требовалъ отъ личности самообузданія и самосовершенствованія. Разночинцы стояли на диаметрально-противоположной точкѣ зрѣнія, признавая примать индивидуальнаго надъ соціальнымъ, въ чемъ они часто доходили до границъ ультраиндивидуализма, какъ мы это видѣли въ писаревщинѣ и нигилизмѣ. Михайловскій выразилъ все это своимъ знаменитымъ противопоставленіемъ совѣсти и чести: представителемъ работы совѣсти былъ кающійся дворянинъ, представителемъ работы чести—разночинецъ. Совѣсть и честь—понятія типически различныя. „Совѣсть требуетъ сокращенія бюджета личной жизни и потому въ крайнемъ своемъ развитіи успокаивается лишеніями, оскорбленіями, мученіями; честь, напротивъ, требуетъ расширенія личной жизни и потому не мирится съ оскорбленіями и бичеваніями... Работъ совѣсти соотвѣтствуютъ обязанности, работъ чести—права“ (Ibid., V, 115). Однако и самъ Михайловскій указываетъ, что „работа совѣсти и работа чести отнюдь не исключаютъ другъ друга; между ними возможно практическое соглашеніе“... Оно и осуществилось въ семидесятыхъ годахъ: *критическое народничество было синтезомъ анти-индивидуалистической идеологии „уязвленной совѣсти“ кающихся дворянъ и ультра-индивидуалистической идеологии „возмущенной чести“ разночинцевъ.*

И кающіеся дворяне и разночинцы сошлись другъ съ другомъ въ своемъ пониманіи интересовъ народа. „Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?“ — вотъ центральный вопросъ интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, и отвѣтъ на него могъ быть только отрицательнымъ. Человѣкъ освобожденъ, нужно освобождать личность въ народѣ—таковъ былъ боевой кличъ новой эпохи. „Вообще я думалъ, — рассказываетъ про себя Тяпушкинъ (изъ очерка Гл. Успенскаго „Волей-Неволей“) — что потребуется масса народу, нужнаго въ то мгновеніе для освобожденной деревни на всякую потребу, на службу началу обновленія, началу личности. — Да, я убѣдился тогда, что въ этомъ служеніи—начало нашей русской интеллигентной личности, начало нашего эгоизма“.

Служеніе народу было основой практическаго народничества, также какъ признаніе особаго пути развитія Россіи составляло фун-

даментъ народнической теоріи. Здѣсь возникалъ серьезный вопросъ: *какъ* служить народу? Служить ли его *интересамъ* или его *мнѣніямъ*? Критическое народничество стало на первую точку зрѣнія, догматическое народничество склонилось ко второй. Къ чему привела эта вторая точка зрѣнія—достаточно извѣстно: пришлось идеализировать народъ, пришлось догматически перенять совершенно чуждые интеллигенціи взгляды, пришлось изъ идеала сдѣлать себѣ идола; отсюда вышли и „опрощеніе“ Л. Толстого, и „почвенныя теоріи“ Достоевскаго, и идолопоклонничество толстовцевъ. Критическое же народничество поставило во главу угла интересы народа и выработало критерій для опредѣленія этихъ интересовъ. Прежде всего оно задалось вопросомъ, не поднимавшимся раньше: *что такое народъ*, какъ выдѣлить эту группу изъ разнокалибернаго состава націи? „Народъ—это мужикъ“, не задумываясь отвѣчали представители догматическаго народничества; „народъ—это трудъ“, отвѣтило народничество критическое. Кто трудится, тотъ принадлежитъ къ народу; интересы народа—это интересы труда. Этотъ критерій неразрывно связывался съ указаннымъ выше синтезомъ личности общества, заключавшимся въ отождествленіи интересовъ личности съ интересами народа. На ряду съ этимъ очевидно, что къ буржуазіи народничество относилось болѣе чѣмъ недружелюбно: буржуа и рантье—это именно тотъ человекъ, который не входитъ въ народъ, ибо стрижка купоновъ не трудъ. Въ этомъ буквальномъ смыслѣ народничество есть глубоко *анти-мѣщанская* теорія, ибо главнымъ желаніемъ его было именно недопущеніе буржуазіи и ея развитія въ Россіи, въ народѣ, въ общинѣ. Но въ этомъ была и трагедія народничества; такъ какъ именно въ семидесятыхъ годахъ буржуазія пустила въ Россіи крѣпкіе корни.

„Ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію“—писалъ умирающій Бѣлинскій въ 1848 г. Процессъ этого обращенія начался вскорѣ послѣ 19 февраля 1861 г.: дворянство пошло на убыль и отчасти дѣйствительно принуждено было обратиться въ буржуазію; въ то же самое время начался процессъ образованія буржуазіи и въ нижнемъ этажѣ зданія: происходило дифференцированіе въ самой общинѣ, и тамъ нарождался классъ деревенскихъ буржуа, кулаковъ и міроѣдовъ. Наконецъ въ шестидесятыхъ годахъ и купецъ получилъ право приобрѣтенія земельной собственности въ деревнѣ, такъ что семидесятые годы характеризуются *усиленіемъ и ростомъ мѣщанства*,

въ буквальный, сословный смыслъ этого слова. Отмѣна крѣпостного права есть въ то же самое время начало перехода Россіи отъ натурального хозяйства къ мѣновому и денежному (въ землевладѣльческомъ классѣ); отсюда и ростъ торговопромышленной буржуазіи семидесятыхъ годовъ. Какъ къ этому отнеслось народничество—мы уже знаемъ; начало „буржуазіи“ оно противопоставило началу „интеллигенціи“ (см., напр., Михайловскій; Сочин., V, 541—6). Въ семидесятыхъ годахъ интеллигенціи былъ страшень не „дикарь высшей культуры“, этический мѣщанинъ, а представитель низшей культуры—„чумазый“, къ борбѣ съ которымъ она призывала неустанно. „...Идетъ чумазый! идетъ, и на вопросъ: что есть истина?—твердо и неукоснительно отвѣчаетъ: распивочно и на выность:—такъ комментировалъ народное сословное мѣщанство Салтыковъ. Идутъ Колупаевы и Разуваевы, идутъ кабатчики, подрядчики, желѣзнодорожники и прочіе „міроѣдскихъ дѣлъ мастера“: „вся цивилизованная природа свидѣтельствуешь о скоромъ пришествіи вашемъ. Улица ликуеть, дома терпимости прихорашиваются“... А сословное дворянство („отставные крѣпостныхъ дѣлъ мастера“), недавно освобожденный крестьянинъ, наконецъ, даже интеллигентъ—всѣ они жмутся и думаютъ: „придетъ чумазый, съ головы до ногъ наглый, съ дѣбкими руками, съ несытой утробой—придетъ и слопаетъ! Только и всего!“ (Салтыковъ, „Убѣжище Монрепо“, 1878—79 г.).

Откуда такая ненависть къ нарождающейся російской буржуазіи, къ „чумазому“? Разгадка лежитъ въ роли буржуазіи и въ толкованіи этой роли народничествомъ. Положительный ли факторъ буржуазія? Въ концѣ XVIII вѣка въ Европѣ буржуазія была интеллигенціей и обратно: буржуазія боролась за свободу человѣка и вела за собой всѣ остальные классы общества; тогда ея интересы временно совпадали съ интересами трудящихся классовъ. Но, какъ извѣстно, не прошло и полувѣка, какъ народъ и буржуазія разошлись по діаметрально противоположнымъ направленіямъ, что и показали съ достаточной очевидностью событія 1848 г. Такъ было въ Европѣ. Въ Россіи интеллигенція сыграла совершенно особенную роль, но ею никогда еще не была буржуазія; не могло этого быть и въ ближайшемъ будущемъ... Нельзя было также ожидать, что работа російской буржуазіи будетъ почему-либо болѣе благотворной для интересовъ народа, чѣмъ это было въ Европѣ въ серединѣ XIX вѣка: стремленія буржуазіи вездѣ и всегда были и будутъ одинаковыми, это—стремленія къ рентѣ, къ концентраціи капита-

ловъ, и наши доморощенные Колупаевы и Разуваевы ничего новаго не выдумали бы. „Наши буржуа — сдержанно иронизируетъ Гл. Успенскій — не могутъ выдумать какой-нибудь обстановки жизни или дать ей какое-нибудь иное содержаніе, кромѣ той обстановки и того содержанія, которыя вообще свойственны типу буржуа. Русскій заяцъ точно такой же заяцъ, какъ и заяцъ-англичанинъ, и вовсе нѣтъ того, чтобы нашъ заяцъ леталъ, а англійскій пѣлъ — оба они зайцы и все у нихъ залче, какъ двѣ капли воды“ („Скучающая публика“. „Верзило“). Заячьи идеалы накопленія — въ этомъ весь Колупаевъ, только съ лисьей хитростью и съ волчьимъ аппетитомъ. Россійская буржуазія семидесятыхъ годовъ была глубоко отрицательнымъ факторомъ въ развитіи *народной* жизни уже по одному тому, что интересы ея и народа были противоположны: она шла войной на только-что освобожденнаго крестьянина, на работника интеллигента, на всѣ трудящіяся классы общества. Народники съ горечью замѣчали, что „періодъ помѣщичьяго закрѣпощенія кануль въ вѣчность; наступилъ періодъ закрѣпощенія чумазовскаго“... (Салтыковъ). Полезна ли для государства конденсація и концентрація капиталовъ въ рукахъ буржуазіи — это для народничества было безразлично; что за дѣло до націи, когда страдаетъ народъ? Конечно, можно доказывать, что это весьма близорукая точка зрѣнія, что развитіе буржуазіи есть необходимый фазисъ общаго экономическаго развитія страны, что не пройдя этой ступени страна не можетъ дорости до необходимѣйшихъ политическихъ и общественныхъ реформъ, которыя однѣ только и могутъ обезпечить интересы того же народа и т. д., и т. д., и т. д. Все это въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ высказали русскіе марксисты, и объ этомъ рѣчь впереди; но нельзя не замѣтить, что *въ свое время критическое народничество было совершенно право*. Оно основывалось на своемъ центральномъ убѣжденіи возможности особаго пути экономическаго развитія Россіи, и убѣжденіе это не могло быть опровергнуто никакими теоріями, а исключительно противорѣчащими ему фактами. Такъ это отчасти — но, только отчасти — и случилось въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Пусть говорятъ, что убѣжденіе это было ненаучнымъ, что *вѣра въ возможность* недостойна серьезной теоріи и пр.; все это мало убѣдительно. Народники имѣли передъ своими глазами *фактъ* — фактъ безпримѣрнаго значенія въ государствѣ интеллигенціи (вѣдь и само понятіе это специфически русское) и интеллигенціи анти-буржуазной; они были въ полномъ правѣ допустить возможность и иного значенія для Россіи буржуазіи: интел-

лигенція въ Россіи значила гораздо больше, чѣмъ въ Европѣ, буржуазія могла значить меньше. Но независимо отъ этого всего—и это главное—народничество было вполне право въ своемъ отношеніи къ нарождающемуся мѣщанству уже по одному тому, что главнѣйшей задачей народничества было благо *реальной личности*, а не абстрактнаго человѣка. Буржуазія приносила личности непосредственный вредъ: смотрѣть на это сквозь пальцы въ чайниі великихъ милостей съ ея стороны къ абстрактному человѣку (и то въ далекомъ будущемъ) могла бы лишь сухая и безжизненная кабинетная теорія, какой никогда не было критическое народничество.

Впослѣдствіи выяснились ошибки критическаго народничества: оно придавало слишкомъ большое значеніе силамъ интеллигенціи, оно придавало слишкомъ мало значенія съ достаточной ясностью происшедшей къ тому времени дифференціаціи классовъ. Преувеличеніе значенія интеллигенціи перешло къ народничеству по наслѣдству отъ Писарева и Лаврова; недостаточно ясное разграниченіе классовъ народа было ошибкой самого народничества. Народъ—это всѣ трудящіеся классы общества и интересы его тождественны съ интересами каждой трудящейся личности: давая такое опредѣленіе, народничество забывало старую сказку о томъ, что горшечникъ радуется засухѣ въ то самое время, когда пахарь молить Бога о дождѣ—настолько различны ихъ интересы, хотя оба они представители труда, а значитъ и представители народа.

Но тутъ же необходимо указать и на тѣ стороны народничества, которыя подвергались наиболѣе рѣзкому осужденію и которыя однако сохранили свою силу до настоящаго времени. Таковъ, напри- мѣръ, отмѣченный выше вопросъ о роли русской буржуазіи. Мы видѣли, что народничество второй половины семидесятыхъ годовъ стремилось къ достиженію политической свободы прежде, чѣмъ русская буржуазія успѣетъ окрѣпнуть и сплотиться. Противъ этого взгляда рѣзко возстали русскіе соціалъ-демократы восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, обвиняя народничество въ утопичности и доказывая (вслѣдъ за Бѣлинскимъ), что политическая свобода въ Россіи будетъ достигнута только вмѣстѣ съ рожденіемъ сильной и сплоченной буржуазіи. Событія начала XX вѣка показали, что это далеко не такъ. Къ этому времени русскій пролетаріатъ сталъ, дѣйствительно, крупной соціальной силой, но русская буржуазія не успѣла къ этому времени ни сплотиться, ни сорганизоваться настолько, чтобы стать рѣшающей силой (какъ это предполагали русскіе с.-д.); вслѣдствіе этого, во-первыхъ, русская политическая ре-

волюція получила ярко демократическую окраску, и вслѣдствіе этого, во-вторыхъ, критическое народничество, казалось бы, окончательно разбитое въ эпоху восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, снова почувствовало почву подъ ногами. Соціаль-народничество и соціаль-революціонерство конца XIX и начала XX вѣка воскресило собою лучшіе завѣты критическаго народничества.

Впрочемъ и объ ошибкахъ и о заслугахъ народничества рѣчь еще впереди; здѣсь мы хотѣли только немногими штрихами очертить главнѣйшія стороны этой замѣчательной эпохи. Мы видѣли ихъ. Это, прежде всего, постепенное отмираніе натурального хозяйства и нарожденіе денежнаго; это — ростъ и усиленіе буржуазіи, но въ то же время это — анти-мѣщанство эпохи вообще и анти-буржуазность ея въ частности. Это, далѣе, сплетеніе идеологій кающихся дворянина и разночинца, сознаніе долга народу и стремленіе уплатить его — со стороны первого, и сознаніе долга общества и стремленіе получить его — со стороны второго. Это анти-индивидуалистическій приматъ соціальнаго надъ политическимъ и индивидуальнымъ у кающихся дворянъ, это — ультра-индивидуалистическій приматъ индивидуальнаго и политическаго надъ соціальнымъ у разночинцевъ. Михайловскій сдумѣлъ синтезировать анти-индивидуализмъ кающихся дворянъ и ультра-индивидуализмъ разночинцевъ признаніемъ примата личныхъ идеаловъ надъ общественными („правила личной нравственности выше правилъ общественнаго поведения“ — см. Соч., IV, 462 — 464) и въ то же время указаніемъ тождественности интересовъ личности и народа. Такимъ образомъ въ конечномъ счетѣ изъ анти-индивидуализма кающихся дворянъ и ультра-индивидуализма разночинцевъ въ семидесятыхъ годахъ сформировалась цѣльная и стройная индивидуалистическая система критическаго народничества Михайловскаго. Познакомившись съ этимъ замѣчательнымъ построеніемъ русской общественной мысли, вплотную подошедшимъ къ проблемѣ индивидуализма и пытавшимся дать окончательное рѣшеніе этой проблемы, мы будемъ имѣть полное и ясное понятіе о внутреннемъ содержаніи эпохи семидесятыхъ годовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ детальному изученію мировоззрѣнія Михайловскаго, намъ необходимо остановиться на одномъ изъ его наиболѣе замѣчательныхъ предшественниковъ, котораго выше мы уже назвали знаменосцемъ русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ. Мы говоримъ о Лавровѣ, мировоззрѣніе котораго является соединительнымъ звеномъ между теоріями Герцена съ одной стороны и Михайловскаго — съ другой.

Въ исторіи русской общественной мысли Лавровъ имѣетъ важное, но только „промежуточное“ значеніе. Просимъ правильно понять эту мысль, которая отнюдь не сводитъ Лаврова на второстепенное мѣсто по его значенію для русской интеллигенціи. Значеніе Лаврова въ исторіи русскаго общественнаго движенія не можетъ быть оцѣнено достаточно высоко; здѣсь ему по праву принадлежитъ первое мѣсто какъ „Тиртею русской революціи“ и ветерану международнаго социализма; въ этой области Михайловскій, по условіямъ русской жизни, не могъ, конечно, занять мѣсто рядомъ съ эмигрантомъ Лавровымъ. Но въ исторіи русской общественной мысли ихъ положеніе какъ-разъ обратное: Лавровъ, правда, былъ во многомъ предшественникомъ Михайловскаго, но послѣдній создалъ такую цѣльную и гармоничную систему, передъ которой міровоззрѣніе Лаврова неизбежно является эклектичнымъ и недостаточно яркимъ.

Не надо, однако, забывать, что эклектизмъ Лаврова все же является громаднымъ шагомъ впередъ отъ Писарева и его противорѣчивыхъ теорій. Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ исторіи русской интеллигенціи Писаревъ сыгралъ роль, аналогичную роли Карамзина въ концѣ XVIII вѣка: міровоззрѣніе обоихъ было шагомъ назадъ отъ ихъ предшественниковъ (Радищева и Чернышевскаго), но имѣло громадное значеніе въ дѣлѣ созданія новыхъ кадровъ русской интеллигенціи. Лаврову предстояло объединить эти кадры подъ однимъ общимъ знаменемъ, дать имъ подъ ноги твердую почву соціологической теоріи. Онъ это сдѣлалъ еще въ 1868—1869 г. въ своихъ знаменитыхъ „Историческихъ Письмахъ“.

„Историческія Письма“ прославили имя ихъ автора; послѣ ихъ появленія Лавровъ сразу сталъ признаннымъ вождемъ русской интеллигенціи и занялъ въ первыхъ ея рядахъ мѣсто непосредственно вслѣдъ за Герценомъ и Чернышевскимъ. Изучая соціологическія воззрѣнія Лаврова, не трудно убѣдиться, что въ „Историческихъ Письмахъ“ заложенъ фундаментъ его міровоззрѣнія. Познакомившись въ началѣ семидесятыхъ годовъ съ Марксомъ, Лавровъ во многомъ переработалъ свои экономическія воззрѣнія, не измѣнивъ существенно основаній своей соціологической теоріи; и во „Впередъ“ (1873—1876 г.) и въ своей послѣдней посмертной работѣ („Задачи пониманія исторіи“, 1900 г.) Лавровъ въ главномъ и общемъ твердо стоялъ на точкѣ зрѣнія „Историческихъ Писемъ“.

Мы уже имѣли однажды случай отмѣтить, что было написано на знамени Лаврова, какова была центральная мысль „Историческихъ Писемъ“ (см. т. I, Введеніе): Лавровъ проповѣдывалъ актив-

ную борьбу критически мыслящихъ личностей за идеалы физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія челоуѣка. Выяснить направленіе этого процесса развитія и сорганизовать разбродную интеллигенцію конца шестидесятихъ годовъ въ одно стройное цѣлое для стихійнаго движенія къ намѣченной цѣли — такова была главная практическая задача „Историческихъ Писемъ“; организація интеллигентскихъ силъ — таково было насущное требованіе момента. Писаревская теорія „кружковщины“, съ ея стремленіемъ къ саморазвитію и самосовершенствованію сыграла свою роль, послуживъ къ усиленію интеллигентныхъ рядовъ; но она выродилась въ типичный ультра-индивидуализмъ и совершенно не была пригодна для семидесятихъ годовъ, когда на очереди стоялъ вопросъ о синтезѣ взглядовъ кающихся дворянъ и разночинцевъ, анти-индивидуалистическихъ и ультра-индивидуалистическихъ теорій. Точка зрѣнія Лаврова рѣзко противорѣчила поэтому писаревской „кружковщинѣ“; Лавровъ требовалъ созданія интеллигентскихъ группъ, но группъ дисциплинированныхъ; каждый членъ которыхъ тѣсно связанъ со всѣми другими общей поставленной цѣлью. Практическая задача — организація интеллигенціи — была такъ дорога Лаврову, что для разрѣшенія ея онъ, типичный индивидуалистъ, какъ мы это увидимъ ниже, рѣзко возстающій противъ жертвы личности обществу, готовъ пожертвовать личностью — интеллигенціи, группѣ критически мыслящихъ личностей, ради достиженія указываемыхъ имъ практическихъ цѣлей. Личность должна раствориться въ объединенной и организованной группѣ критически мыслящихъ личностей. Наиболее энергичныя, наиболее способныя, наиболее „индивидуальныя“, критически мыслящія личности для успѣшной борьбы неизбѣжно должны группироваться, заявляетъ Лавровъ: „именно этимъ людямъ, самостоятельно думающимъ, самостоятельно дѣйствующимъ, привыкшимъ къ нравственному уединенію, надо теперь сойтись, сплотиться вмѣстѣ, думать сообща, дѣйствовать сообща, организовать нѣчто сильное, единое, но сильное коллективною силою, единое абстрактнымъ единствомъ; ихъ же индивидуальность, которую они уберегли отъ затягивающаго вліянія рутины, индивидуальность, къ которой они такъ привыкли, которую они такъ дорожили, должна исчезнуть въ общемъ направленіи мысли, въ общемъ планѣ дѣйствія. Они создаютъ организмъ, но сами въ немъ сходятъ въ положеніе органовъ. И это они дѣлаютъ добровольно“... „...Каждый долженъ смотрѣть на себя, какъ на органъ общаго организма; онъ не безжизненное орудіе, не бессмысленный механизмъ, но онъ все-таки *только* органъ; онъ имѣетъ свое устройство,

свои отправленія, но онъ *подчиненъ* единству цѣлаго. Это — условіе, и неизбежное условіе жизни организма. Это условіе согласнаго дѣйствія, условіе побѣды "... („Ист. Письма“, изд. 1905 г., стр. 144, 146). Конечно, здѣсь рѣчь идетъ только о партійной дисциплинѣ, но все-таки все это мѣсто въ высшей степени характерно: не признавая организмомъ народъ, общество, государство и требуя равноправія съ ними личности, Лавровъ въ то же время признаетъ организмомъ *партію* и сводитъ въ ней личность до положенія *только органа!*.. Въ этомъ сказалось, быть можетъ, ярче всего нарождающаяся реакція писаревщины; вообще же говоря, соціологической индивидуализмъ Лаврова стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Подобно Герцену, а внослѣдствіи и Михайловскому, Лавровъ никогда не придерживался теоріи того крайняго соціологическаго номинализма, въ которомъ многіе склонны были обвинять этихъ величайшихъ представителей стараго народничества. Лавровъ всегда былъ непримиримымъ противникомъ крайняго соціологическаго номинализма и крайняго соціологическаго реализма. Въ шестомъ изъ своихъ „Историческихъ Писемъ“ („Культура и мысль“) Лавровъ отчетливо опредѣляетъ свое отношеніе къ этимъ вопросамъ и къ связанной съ ними проблемѣ индивидуализма. Быть можетъ, говорить онъ, читатель, „видя большое значеніе, придаваемое мною личности въ исторіи, заподозрилъ автора этихъ писемъ въ склонности къ индивидуализму въ томъ именно смыслѣ этого слова, который приданъ ему знаменитымъ когда-то французскимъ соціалистомъ (Лавровъ говоритъ про Луи Блана). Я не долго остановлюсь на этомъ вопросѣ, потому что считаю его болѣе вопросомъ о словахъ, чѣмъ о дѣлѣ“ (Ibid., стр. 109). Дѣйствительно, опредѣленіе термина „индивидуализмъ“, данное Луи Бланомъ, принимало за неоспоримый фактъ анти-общественныя тенденціи индивидуализма, какъ это мы уже имѣли случай отмѣтить выше, приводя дословно все опредѣленіе (см. т. I, стр. 313). Односторонность этого опредѣленія и имѣетъ въ виду Лавровъ, заявляя, что споръ объ индивидуализмѣ есть прежде всего споръ о словахъ: стоитъ дать болѣе широкое опредѣленіе — и индивидуализмъ утратитъ ту анти-общественную окраску, которая придана ему Луи Бланомъ. (Напомнимъ читателю про споры Луи Блана съ Герценомъ, основанные на совершенно различномъ пониманіи индивидуализма). Подъ индивидуализмомъ и Герценъ и Лавровъ понимали принципъ главенства интересовъ реальной личности, при неизбежной и тѣсной связи ея съ обществомъ; общество въ этомъ случаѣ разсматривается и не съ крайней номи-

налистической и не съ утрированно „органической“ точки зрѣнія. При такомъ пониманіи вопроса всякое „обвиненіе“ въ индивидуализмѣ оказывается основаннымъ на пескѣ. „Индивидуализмъ, какъ его понимаетъ Луи Бланъ,—замѣчаетъ по этому поводу Лавровъ,—былъ стремленіемъ *подчинить* общее благо личнымъ эгоистическимъ интересамъ единицъ, такъ же какъ общественность, съ его точки зрѣнія, склоняется къ *поглощенію* личности, въ ея особенности, интересами общества. Но личность лишь тогда подчиняетъ интересы общества своимъ собственнымъ интересамъ, когда смотритъ на общество и на себя, какъ на два начала, *одинаково реальныя* и соперничающія въ своихъ интересахъ. Точно такъ же поглощеніе личности обществомъ можетъ имѣть мѣсто лишь при представленіи, что общество можетъ достигнуть своихъ цѣлей не въ личностяхъ, а въ чемъ-то *иномъ*. Но и то, и другое—призракъ“... (Ibid., стр. 109—110). Въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ социологическому реализму сказывается начало борьбы съ органической теоріей общества,—борьбы, составившей одну изъ главныхъ заслугъ Михайловскаго въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ; предшественникомъ его, какъ видимъ, былъ Лавровъ. „Общество внѣ личностей—заявляетъ онъ—не заключаетъ ничего реального“; однако такое заявленіе ошибочно было бы понимать въ духѣ крайняго социологическаго номинализма, признающаго общество только арифметической суммой входящихъ въ его составъ индивидовъ: такое пониманіе опровергается, по Лаврову, хотя бы лишь однимъ фактомъ наличности общихъ интересовъ между отдѣльными индивидами, что уже создаетъ нѣкоторую социально-психическую связь въ общественной ткани. Поэтому „ясно понятыя интересы личности требуютъ, чтобы она стремилась къ осуществленію общихъ интересовъ“, но въ то же время „общественныя цѣли могутъ быть достигнуты исключительно въ личностяхъ“. Отсюда требованіе синтеза между личностью и обществомъ: „истинная общественная теорія требуетъ не *подчиненія* общественнаго элемента личному, и не *поглощенія* личности обществомъ, а *слитія* общественныхъ и частныхъ интересовъ“. А отсюда, наконецъ, слѣдующее рѣшеніе проблемы индивидуализма: „личность должна развить въ себѣ пониманіе *общественныхъ* интересовъ, которые суть и *ея* интересы; она должна направить свою дѣятельность на внесеніе истины и справедливости въ общественныя формы, потому что это есть не какое-либо отвлеченное стремленіе, а самый близкій эгоистическій *ея* интересъ. *Индивидуализмъ* на этой ступени становится осуществленіемъ общаго блага помощью

личныхъ стремленій, но общее благо и не можетъ иначе осуществиться. *Общественность* становится реализованіемъ личныхъ цѣлей въ общественной жизни, но онѣ и не могутъ быть реализованы въ какой-либо другой средѣ“ (Ibid., стр. 110; курсивъ вездѣ Лаврова).

Такое рѣшеніе проблемы индивидуализма характерно не только для семидесятыхъ годовъ: мы встрѣчались съ нимъ уже и у Бѣлинскаго и у Герцена; развитіе идей Лаврова мы найдемъ дальше у Михайловскаго. Однако Герценъ исходилъ изъ совершенно иныхъ основныхъ положеній: главное вниманіе его, какъ помнитъ читатель, было обращено на сопоставленіе не индивидуализма и общественности, а индивидуализма и мѣщанства, его точка зрѣнія была не столько социологическая, сколько этическая. Послѣ него Чернышевскій обратилъ главное вниманіе на социально-экономическую сторону проблемы, какъ того требовали практическіе интересы дня. Лавровъ первый изъ главарей нашего стараго народничества сосредоточилъ свое вниманіе на рѣшеніи проблемы индивидуализма съ теоретико-социологической точки зрѣнія, явившись и въ этомъ отношеніи ближайшимъ предшественникомъ Михайловскаго. Въ своихъ рѣшеніяхъ проблемы индивидуализма Лавровъ и Михайловскій иногда шли рука объ руку, иногда расходились въ противоположныя стороны, но оба они соединяли въ себѣ величайшій индивидуализмъ съ безусловной общественностью — и это было характернымъ признакомъ народничества семидесятыхъ годовъ, до сихъ поръ еще непонятнымъ для многихъ изслѣдователей той эпохи ¹⁾. Признавая приматъ личности надъ обществомъ, семидесятники въ то же время вели энергичную борьбу съ уродливыми проявленіями ультра-индивидуализма предшествующей эпохи; признавая необходимость общест-венности, они въ то же время возставали противъ подавленія личности обществомъ во имя какихъ бы то ни было фикцій. Право отдѣльной личности на самоопредѣленіе было для Лаврова — равно какъ раньше для Герцена и послѣ для Михайловскаго — истиной самоочевидной. „Гдѣ право, отрицающее мое право на это? — спрашиваетъ Лавровъ: — ...въ цѣломъ обществѣ? Но это абстрактъ, который, какъ абстрактъ, противъ меня, существа реального, не имѣетъ ровно никакого права, а въ своемъ реальномъ содержаніи

¹⁾ См., напр., въ книгѣ Андреевича „Опытъ философіи русской литературы“ недоумѣніе по поводу такихъ якобы противорѣчивыхъ построеній народничества е мидесятыхъ годовъ.

распадается на личности, имѣющія не болѣе права, чѣмъ и я“... (Ibid., стр. 130). Въ такомъ рѣшеніи, подчеркиваемъ это еще разъ, нѣтъ того крайняго соціологическаго номинализма, въ которомъ былъ грѣшенъ даже Чернышевскій. Однако нельзя не указать на то, что Лавровъ уже съ чрезмѣрной легкостью разсѣкалъ гордіевъ узелъ проблемы индивидуализма; рѣшеніе этой проблемы представлялось ему очень простымъ. „Факты исторіи показываютъ,—пишетъ онъ,—что нѣтъ непримиримаго противорѣчія между крѣпкою общественною связью и сильною работою мысли въ средѣ общества, и что личная мысль можетъ работать производительно не только въ направленіи противоположенія интересовъ личности интересамъ общества, въ направленіи эксплуатаціи общества личностью, но также и въ направленіи солидарности между развитою личностью и обществомъ, къ которому она принадлежитъ... Рядомъ съ борьбой мысли противъ общественныхъ привычекъ является въ исторіи работа мысли на развитіе общественной прогрессивной цивилизаціи. Рядомъ съ борьбою интересовъ за существованіе, за обогащеніе, за монополію наслажденій, мы видимъ противодѣйствующіе этой борьбѣ подвиги сознательной службы общественному дѣлу, цѣлыя существованія, посвященныя усиленію солидарности между людьми“... (Ibid., стр. 336—7). Все это такъ. но напрасно было бы думать, что это рѣшаетъ проблему индивидуализма съ какой бы то ни было стороны; вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ, повидимому, полагалъ Лавровъ, и это очень скоро показалъ Михайловскій своей теоріей „борьбы за индивидуальность“, доказывая, что интересы личности и общества (развивающагося по „органическому типу“) діаметрально противоположны и непримиримы. Отъ положительнаго рѣшенія проблемы индивидуализма Лавровымъ Михайловскій перешелъ къ рѣзко-отрицательному ея разрѣшенію и этимъ показалъ, что окончательное теоретическое и практическое рѣшеніе этой проблемы — дѣло далекаго будущаго.

Еще Герценъ замѣтилъ, что проблема индивидуализма входитъ, какъ составная часть, въ проблему прогресса, и потому впервые вплотную подошелъ къ рѣшенію этой послѣдней проблемы. Мы видѣли, что установившееся мнѣніе о безусловной пессимистичности пониманія Герценомъ хода всемірной исторіи не вполне соответствуетъ дѣйствительности. Напомнимъ вкратцѣ основныя положенія герценовской теоріи прогресса. Герценъ начинаетъ съ заявленія, что „...отказаться отъ развитія невозможно... Наша цивилизація лучшій цвѣтъ современной жизни“; но въ то же самое время онъ

подчеркиваетъ, что не всякое развитіе, не всякій *процессъ* исторіи есть *прогрессъ*, и въ этомъ корень герценовскаго пессимизма по отношенію не къ прошлому и настоящему, а къ будущему всемірной исторіи. Наша цивилизація лучшей цѣлью историческаго процесса, пусть такъ, „но какое же это имѣетъ отношеніе къ осуществленію нашихъ идеаловъ, гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?“ Полное отрицаніе телеологизма, объективнаго или субъективнаго безразлично— вотъ основная точка зрѣнія Герцена; мы видѣли, что для него само выраженіе „цѣль прогресса“ есть уже явный nonsens. „Что, эта цѣль—программа, что ли, или приказъ? Кто его составилъ, кому онъ объявленъ, обязательенъ онъ или нѣтъ?“... Цѣль историческаго процесса—каждый данный моментъ; цѣль исторіи—мы съ вами, *плюсъ* настоящее всего существующаго; каждое поколѣніе, каждый человѣкъ—цѣль сами для себя, хотя бы „съ точки зрѣнія исторіи“ они были только переходомъ, звеномъ цѣпи прогресса. Мы подчеркивали, что, стоя на этой точкѣ зрѣнія полного отрицанія телеологизма, Герценъ смотрѣлъ на прогрессъ не въ періодъ его процесса, im Werden, а въ его поперечномъ сѣченіи данной минуты, im Sein. Прогрессъ не цѣль, а послѣдствіе—заявлялъ Герценъ, совершенно отстраняя принципъ цѣлесообразности и разсматривая вопросъ только съ точки зрѣнія начала причинности. (Всѣ вышеприведенныя цитаты—изъ „Съ того берега“).

Лавровъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ отъ этой глубоко интересной, но ошибочной точки зрѣнія Герцена тѣмъ, что указалъ на возможность отрицанія объективнаго телеологизма, одновременно съ принятіемъ телеологизма субъективнаго; говоря другими словами, онъ сталъ родоначальникомъ „субъективной школы“ въ русской соціологіи. Объ этомъ „субъективномъ методѣ“, „субъективной точкѣ зрѣнія“—рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ, теперь же мы только въ общихъ чертахъ укажемъ, что новаго внесъ Лавровъ въ разрабатываемую русской общественной мыслью теорію прогресса.

Лавровъ начинаетъ съ того, что категорически признаетъ процессъ исторіи прогрессомъ: „въ процессѣ исторіи мы неизбежно видимъ *прогрессъ*“, заявляетъ онъ, отграничивая себя этимъ отъ типичнаго анти-телеологиста Герцена. Однако это заявленіе не вдвигаетъ Лаврова въ ряды объективныхъ соціологовъ, отождествляющихъ прогрессъ съ эволюціей; наоборотъ, Лавровъ является родоначальникомъ русской субъективной соціологіи. Онъ признаетъ телеологичность историческаго процесса, но телеологичность не объективную,

а субъективную. „Многіе мыслители—говорить Лавровъ—замѣтили прогрессъ въ мысли человѣчества, заключавшійся въ томъ, что человѣкъ, представлявшій себя прежде центромъ всего существующаго, созналъ въ послѣдствіи себя лишь однимъ изъ безчисленныхъ продуктовъ неизмѣннаго приложенія законовъ внѣшняго міра; въ томъ, что отъ субъективнаго взгляда на себя и на природу человѣкъ перешелъ къ объективному. Правда, это былъ прогрессъ крайне важный, безъ котораго наука была невозможна, развитіе человѣчества немыслимо. Но этотъ прогрессъ былъ только первый шагъ, за которымъ неизбѣжно слѣдовалъ второй: изученіе неизмѣнныхъ законовъ внѣшняго міра *въ его объективности* для достиженія такого состоянія человѣчества, которое субъективно сознавалось бы, какъ лучшее и справедливѣйшее... Человѣкъ снова сталъ центромъ всего міра, но не для міра, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, а для міра, понятаго человѣкомъ, покореннаго его мыслью и направленнаго къ его цѣлямъ“ (Ibid., стр. 10). Забѣжимъ нѣсколько впередъ и укажемъ, какъ въ послѣдствіи Михайловскій развилъ и разработалъ эту точку зрѣнія, раздѣляя социальное развитіе человѣчества на фазисы объективно-антропоцентрической, эксцентрической и субъективно-антропоцентрической: въ первомъ фазисѣ „человѣкъ считаетъ себя объективнымъ, безусловнымъ, дѣйствительнымъ, извнѣ поставленнымъ центромъ природы“, во второмъ—человѣкъ ставитъ надъ собою отвлеченныя категоріи, а себя отстраняетъ на второе мѣсто; наконецъ, въ третьемъ фазисѣ „исторія снова выдвигаетъ человѣка центромъ вселенной“, „человѣкъ опять становится центромъ вселенной“, но не объективно, а субъективно. Какъ мы увидимъ въ послѣдствіи подробнѣе, въ построеніи своей теоріи Михайловскій слѣдуетъ за Лавровымъ вплоть до тождественности выраженій, указывая далѣе, что параллельно тремъ фазисамъ социальнаго развитія мѣняется и точка зрѣнія человѣка на цѣлесообразность: въ первомъ фазисѣ царитъ объективный телеологизмъ, увѣренность въ томъ, что „все создано для человѣка“, что вселенная—средство, а человѣкъ—цѣль; во второмъ періодѣ господствуетъ то воззрѣніе, что цѣли Провидѣнія лежатъ не въ человѣкѣ, а во вселенной; наконецъ, въ третьемъ періодѣ имѣетъ мѣсто субъективный телеологизмъ: „я не цѣль природы, — говоритъ тогда человѣкъ, — природа не имѣетъ и другихъ цѣлей. Но у меня есть цѣли и я ихъ достигну“... Въ этихъ словахъ не трудно видѣть дальнѣйшее развитіе точки зрѣнія Лаврова, которую онъ и самъ выяснилъ достаточно подробно, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Процессъ исторіи есть прогрессъ. Утверждая это, Лавровъ избѣжалъ герценовской ошибки смѣшенія категорій причинности и цѣлесообразности; онъ понималъ всю логическую и гносеологическую несостоятельность фразы Герцена: „прогрессъ не цѣль, а послѣдствіе“. Для Лаврова прогрессъ есть слѣдствіе, но въ то же время имѣеть цѣль: къ прогрессу, какъ слѣдствію, примѣнима категория суцдаго; прогрессъ, какъ процессъ, стремящійся къ нѣкоторой цѣли, телеологиченъ и подчиненъ категоріи должнаго. Поэтому къ социальнымъ явленіямъ неизбѣжно приложеніе этического критерія: каждое явленіе должно разсматриваться не только съ точки зрѣнія его необходимости, какъ слѣдствія въ причинномъ ряду, но и съ точки зрѣнія его этической стоимости. Съ одной стороны, „мы, съ нашимъ нравственнымъ идеаломъ, опредѣляющимъ перспективу процесса исторіи, становимся въ конецъ этого процесса; все предыдущее становится къ нашему идеалу въ отношеніе подготовительныхъ ступеней, ведущихъ неизбѣжно къ опредѣленной цѣли“; мы являемся такимъ образомъ концомъ причиннаго ряда и слѣдствіемъ процесса исторіи, какъ это заявлялъ еще Герценъ. Съ другой стороны, для Лаврова очевидно, что при такой точкѣ зрѣнія „всѣ явленія обособляются какъ благодѣтельные или вредныя, какъ нравственное добро или зло“... (Ibid., стр. 37—8), и такимъ образомъ сущее отдѣляется отъ должнаго. Не трудно видѣть во всемъ этомъ, во-первыхъ, отрицаніе взгляда Герцена, во-вторыхъ — реакцію извѣстной намъ точкѣ зрѣнія шестидесятихъ годовъ, въ-третьихъ — основаніе той теоріи субъективной социологіи, которая впослѣдствіи стала связана съ именемъ Михайловскаго, какъ наиболѣе яркаго ея представителя.

Итакъ, по Лаврову, историческій процессъ цѣлесообразенъ (субъективно), почему и является прогрессомъ. Цѣль эту Лавровъ обозначаетъ вполне опредѣленно: „обезпеченный трудъ при общедоступности удобствъ жизни“, „систематическая наука и справедливый общественный строй“, „максимумъ возможнаго развитія для каждой личности, общественныя формы, какъ *результатъ* прогресса, доступнаго каждой изъ нихъ“ — вотъ *конечная цѣль прогресса* (Ibid., стр. 77—8). Отсюда ясно, что Лавровъ не ограничивается, подобно Герцену, разсмотрѣніемъ прогресса im Sein, но изучаетъ его im Werden, понимая подъ нимъ тотъ историческій процессъ, который стремится къ только-что указанной конечной цѣли. „Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи; воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости“ —

вотъ что такое прогрессъ по Лаврову (Ibid., стр. 51); „прогрессъ есть процессъ развитія въ человѣчествѣ сознанія и воплощенія истины и справедливости путемъ работы критической мысли личностей надъ современной имъ культурою“ („Отеч. Зап.“ 1870 г., № 2, стр. 251). „Я не цѣль природы,... но у меня есть цѣли и я ихъ достигну“—эта фраза Михайловскаго, отъ лица человѣка вообще, является краткой и яркой формулировкой только-что приведенныхъ мыслей Лаврова.

Субъективный телеологизмъ отрицаетъ всякую объективную цѣлесообразность, но признаетъ присущимъ человѣку стремленіе къ нѣкоторому заранее намѣченному и выработанному идеалу. „Соціологія должна начать съ нѣкоторой утопіи“, заявлялъ поэтому Михайловскій вслѣдъ за Лавровымъ, который требовалъ прежде всего выработки того или иного „нравственнаго идеала“, послѣ чего соціологъ неизбежно вынужденъ „расположить всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали или противодѣйствовали этому идеалу“... (Ibid., стр. 37). Подобнаго рода заявленія вызвали впослѣдствіи обвиненія народничества семидесятыхъ годовъ въ дуализмъ сущаго и должнаго; обвиненія эти формулировалъ въ девяностыхъ годахъ ортодоксальный марксизмъ. Мы будемъ имѣть случай прослѣдить за тѣмъ, какъ въ этомъ пунктѣ онъ былъ разбитъ наголову людьми своего же лагеря, но лишь вооруженными критической философійей; мы увидимъ тогда, что обвиненіе, направленное противъ субъективной соціологіи въ подчиненіи сущаго должному, было опровергнуто дальнѣйшимъ развитіемъ русской мысли. Мы увидимъ также, что настолько же было необоснованнымъ и обвиненіе въ индетерминизмъ, якобы характерномъ для точки зрѣнія Лаврова. Подобно Герцену, Лавровъ допускалъ рядъ „неосуществленныхъ возможностей“ и рѣшалъ въ положительномъ смыслѣ проблему о роли личности въ исторіи — достаточно вспомнить его вышеприведенное опредѣленіе прогресса, его теорію „критически мыслящихъ личностей“ (изложенную нами во Введеніи къ I-му тому, теорію, осмѣянную въ девяностыхъ годахъ, но въ которой въ настоящее время можно найти глубоко цѣнное зерно. Здѣсь важно отмѣтить только одно: признавая, что личность не есть *quantité négligeable*, что она „вѣсима“, Лавровъ въ то же время неоднократно подчеркивалъ, что личность вѣсима только въ общественной средѣ. „Личность создается средой и событіями, но и событія осуществляются личностями и носятъ на себѣ ихъ печать: тутъ взаимодѣйствіе“,—говорилъ, какъ мы помнимъ, Герценъ; это

взаимодѣйствіе особенно подчеркиваетъ Лавровъ. „Прогрессъ есть ростъ общественнаго сознанія,—заявляетъ онъ,—насколько оно ведетъ къ усиленію и расширенію общественной солидарности; онъ есть усиленіе и расширеніе общественной солидарности, насколько она опирается на растущее въ обществѣ сознаніе. Органомъ прогресса является развивающаяся личность, внѣ дѣятельности которой прогрессъ невозможенъ, которая въ процессѣ развитія своей мысли открываетъ законы общественной солидарности, законы социологіи, прилагаетъ эти законы къ современности, ее окружающей, и въ процессѣ развитія своей энергіи находитъ пути практической дѣятельности“ ... (Ibid., стр. 339). Общество создаетъ личность, и личность такъ или иначе вліяетъ на общество.

Вотъ въ общихъ чертахъ основаніе социологической теоріи Лаврова, которая сыграла въ русской общественной мысли роль предисловія къ стройной и яркой системѣ Михайловскаго, къ знакомству съ которой мы и переходимъ. Но сперва еще два слова о Лавровѣ, какъ о вождѣ русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ. Мы видѣли, что въ первую половину этой эпохи Лавровъ и Бакунинъ были руководителями русскаго общественнаго движенія; Лавровъ издавалъ тогда знаменитый „Впередъ!“ (съ 1873 по 1876 г.); мы увидимъ еще, что лавристы во многомъ были предтечами русскихъ социаль-демократовъ. Теперь намъ достаточно указать на то, что на первый планъ Лавровымъ, конечно, выставлялся вопросъ социальный, политическая же реформа стояла для него на второмъ планѣ, хотя и не отрицалась совершенно. Надо кстати замѣтить, что Лавровъ никогда не былъ лавристомъ (по собственному его заявленію) и потому свободенъ отъ тѣхъ обвиненій, которыя по справедливости могутъ быть обращены къ лавристамъ. Послѣдніе изъ пропагандистовъ мало-по-малу обращались въ типичныхъ культуртрегеровъ, а въ восьмидесятыхъ годахъ отказались отъ всякой дѣятельности, возлагая надежды на историческую необходимость социальной революціи въ Россіи. Мы увидимъ, что если лавристы превратились въ типичныхъ „промежуточныхъ людей“ восьмидесятыхъ годовъ, то самъ Лавровъ въ то время рѣзко возставалъ противъ такой крайней реакціонной точки зрѣнія; если лавристы отказывались отъ политической борьбы, то Лавровъ (въ семидесятыхъ годахъ) только отстранялъ ее на второй планъ. Однако въ то время умѣренные и аккуратные лавристы дискредитировали собою самого Лаврова, вліяніе котораго въ концѣ семидесятыхъ годовъ сходитъ почти на нѣтъ; его міровоззрѣнію не хватало во всякомъ случаѣ стройности и цѣльности, такъ какъ онъ

всегда пытался соединить несоединимое и примирить непримиримое. Все это сдѣлало его неспособнымъ удовлетворить запросамъ русской общественной мысли той эпохи, и первое мѣсто въ исторіи этой мысли занялъ Михайловскій, со своимъ твердымъ, цѣльнымъ и гармоничнымъ міровоззрѣніемъ, ярче всего характеризующимъ русскую общественную мысль семидесятыхъ годовъ.
